МАРТ 2025

ISSN 3034-3291

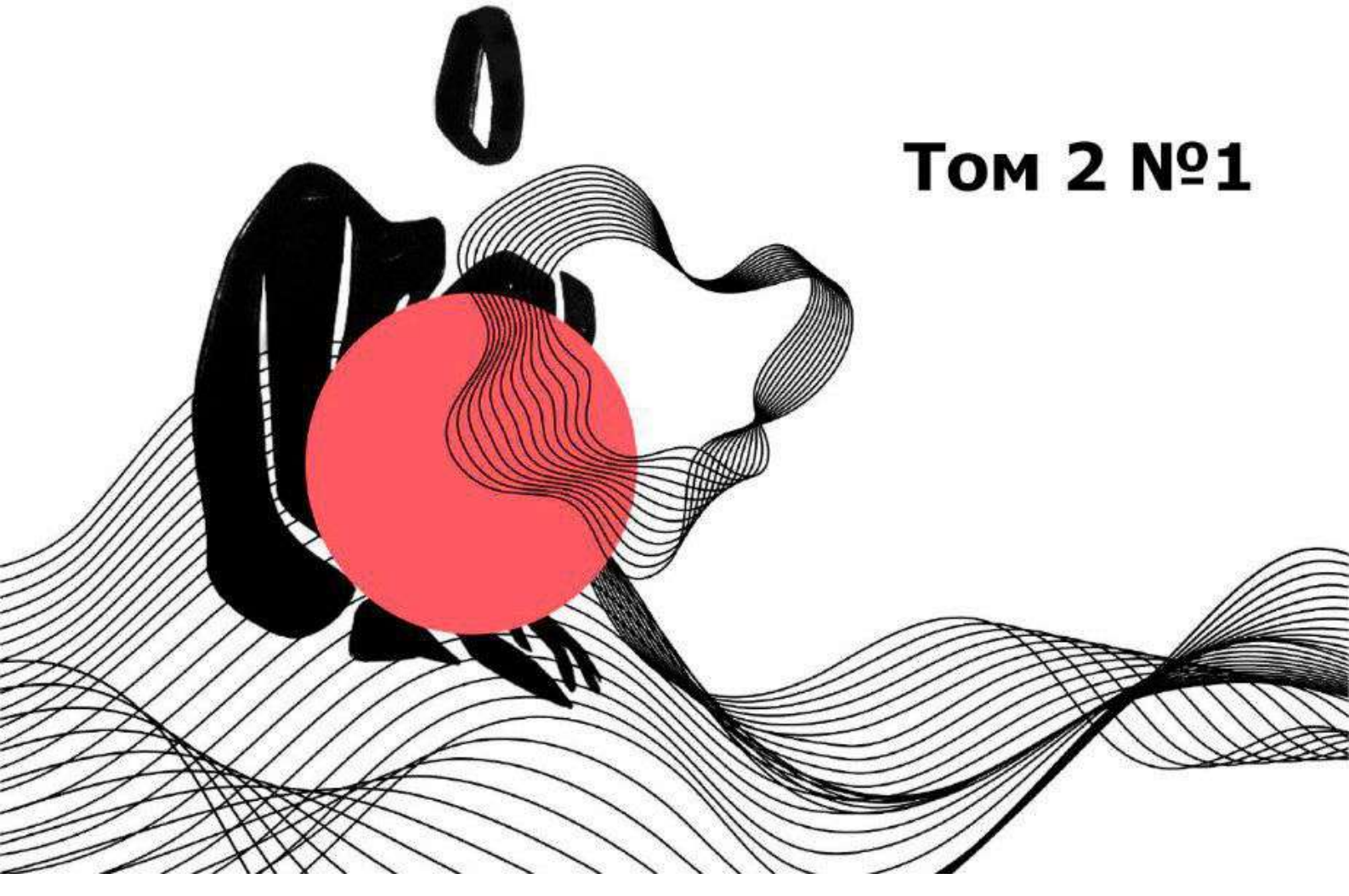
18+

9 773034 329003

Гипноз и психоанализ

в клинической и экспериментальной психологии

- Психотерапия
- Медицинская психология
- Психоанализ
- Гипноз



Том 2 №1

Ассоциация психоаналитиков и гипнологов

«Психодинамическая школа клинического гипноза»

Ассоциация реализует образовательные, научно-практические и просветительские проекты в области психоанализа и гипноза.

У нас Вы можете получить образование по следующим программам:

- **Клинический психоанализ**

  На курсе вы изучите теорию и клинику психоанализа, этиологию и патогенез психогенных расстройств, теорию базовой тревоги, защитные системы психики и многое другое. Очно и online

- **Психодинамический метод гипноза**

  Уникальная программа обучения специалистов в области психоанализа и гипноза научит погружать в гипноз любого человека, распознавать уровни гипноза (трансовых состояний), применять элементы гипноза в повседневной жизни, а также использовать гипнопсихоанализ для лечения психических и психосоматических расстройств. Только очно в г. Москве и в г. Челябинске.

- **Психоанализ группы: теория и практика группового анализа**

  Теория и практика группового анализа рассчитана для тех, кто хотел бы расширить собственную практику, начать работу с группами, раскрыть потенциал группового аналитика, а также обогатить свой профессиональный опыт. Очно и online

- **Клиническая перинатальная психология**

  Программа курса содержит основы перинатальной психологии, психологию и психофизиологию репродуктивной сферы, психологическое сопровождение беременности, родов и послеродового периода. Очно и online

- **Предпринимательство и бизнес**

  Кроме экономических и управленческих дисциплин образовательная программа включает психоанализ бизнеса и денег, методики выявления причин, тормозящих достижение финансовых целей,способы работы с прокрастинацией, финансовыми потолками и мотивацией. Очно и online

Контактные данные:

Сайт: https://ahyp.ru/

Электронная почта: ahypoffice@yandex.ru

ГИПНОЗ И ПСИХОАНАЛИЗ В КЛИНИЧЕСКОЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Научный рецензируемый журнал **ТОМ 2 №1 2025**

Учредитель
Савченков Александр Витальевич

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций России.
Свидетельство о регистрации –
№ ФС77-80823 от 9 апреля 2021 г.
Электронная версия находится на сайте https://psychd.ru/

Компьютерная верстка:
М.В. Винокур

Возрастные ограничения 18+
Журнал является рецензируемым научным изданием.
Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)
ISSN 3034-3291 (Online)

Адрес редакции: 454091, г. Челябинск,
ул. Кирова, д. 94, этаж 4, пом. 8

Редакция
Ассоциация психоаналитиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза»
Электронная почта:
magazine@psychd.ru

Главный редактор:
Савченков Александр Витальевич, доцент АГИП

Члены редакционной коллегии:
Атаманов Алексей Анатольевич, д.м.н., профессор
Борисов Сергей Валентинович, д.ф.н., профессор
Гринвальд Сергей Геннадьевич, к.м.н., доцент
Духновский Сергей Витальевич, д.п.н., профессор
Овчинников Михаил Владимирович, к.п.н., доцент
Саламатов Артем Аркадьевич, д.п.н., профессор
Стрельченко Андрей Борисович, д.м.н.
Уварина Наталья Викторовна, д.п.н., профессор
Чумакова Елена Викторовна, к.п.н., доцент
Шумакова Ольга Алексеевна, д.п.н., профессор

Редакционная комиссия:

Гоглидзе Вера Бондоевна, председатель
Винокур Марина Владимировна,к.ф.-м.н.
Лаптева Елена Анатольевна
Дата выхода в свет: 17.03.2025

В данном номере публикуются популярные статьи, переведенные членами ассоциации АНУР

Все совпадения в текстах докладов и статей с реальными лицами случайны.

СОДЕРЖАНИЕ

Ирмела Виманн
ПОМОЩЬ ЖИЗНИ (ЖИЗНЕОБОСПЕЧЕНИЕ) БЕРТА ХЕЛЛИНГЕРА – МИЗАНТРОПИЧЕСКАЯ ПСЕВДОТЕОРИЯ СПАСЕНИЯ……... 3

Клаус Вебер
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ИДЕОЛОГИЮ РАССТАНОВОК. ПРИКАЗЫ ДУШИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ…….. 17

Селин Марудас
НО ЭТО ПРОТИВ ПРАВИЛ!! СТРУКТУРИРОВАННЫЕ СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ КАК УПУЩЕННЫЙ РЕСУРС ДЕТСКОЙ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ……...… 30

УДК 159.96 DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-3-16

Ирмела Виманн

ПОМОЩЬ ЖИЗНИ (ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ) БЕРТА ХЕЛЛИНГЕРА – МИЗАНТРОПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПСЕВДОСПАСЕНИЯ

Перевод статьи, опубликованной в «Zeitschrift für Psychotraumatologie Psychotherapiewissenschaft Psychologie Medizin» Irmela Wiemann: Bert Hellingers “Lebenshilfe” – eine menschenfeindliche Pseudoheilslehre, «Zeitschrift für psychotraumatologie Psychotherapiewissenschaft Psychologie Medizin» Jg.11, 2013, Heft 1, p. 25, p. 39-50

Переводчик: В.Б. Гоглидзе - психоаналитик, член Ассоциации психоаналитиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза». Председатель редакционной комиссии сетевого издания «Гипноз и психоанализ в клинической и экспериментальной психологии»

Научный редактор: А.В. Савченков – психоаналитик, доцент АГИП, президент Ассоциации психоаналитиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза». Главный редактор сетевого издания «Гипноз и психоанализ в клинической и экспериментальной психологии»

Аннотация

Опыт показывает, что обычные люди не понимают различий между серьезными формами системных подходов семейного моделирования (напр. семейная скульптура) от так называемых семейных расстановок по Хеллингеру, в статье мы обращаем внимание эти различия, в том числе, опираясь работы автора. В расстановках, сформулированных Хеллингером, считается, что «лидер расстановок» (расстановщик) принимает решения, на основе прозрения, исходящего от «высшей силы», а заместители выступают в качестве «медиумов». Берт Хеллингер указывает на то, что якобы основывает свою работу на догматическом подходе к организационной системе. При ближайшем рассмотрении оказывается, что его взгляд на мир и людей является архаичной, антиэмансипационной, разрушительной концепцией. Релятивизируя (стирая границы) между добром и злом, он полностью «освобождает» от виновности персонажей подобных Гитлеру и Фашистской Германии, снимает с них ответственность за ужасы нацистского фашизма.

Ключевые слова: методы системного моделирования; семейные расстановки по Хеллингеру; антиэмансипация; абьюзеры в семьях; нацистский фашизм.

Введение

«Подход в психотерапии очень прост. Вы занимаете роль хорошего лидера. Хороший лидер видит, чего хотят люди, и приказывает им это сделать» (Hellinger in Weber, 1999, p. 212).

Ирмела Виманн – психолог, Фазаненштрассе 4, D-35796 Вайнбах, тел.: +49647491027, email: mail@irmelawiemann.de

«Работаете ли вы по Хеллингеру?»

С 1980-х годов я провожу семинары и мастер-классы для приемных и патронатных родителей, для специалистов по опеке и попечительству над молодежью, а также тех, кто занимается психологическим сопровождением детей, подростков, оставшихся без попечения родителей, а также взрослых, выросших без родителей. Обычно я освещаю тему с помощью «домашней заготовки» примера семейной сцены/скульптуры. Я овладела этим методом работы (по Вирджинии Сатир) во время прохождения многочисленных тренингов по аналитической и системной семейной терапии в 1970-х годах и углубила его во время обучения поэтапной семейной терапии в начале 1980-х (вместе с Кэрол Гаммер).

На моих семинарах участники могут задавать свои личные вопросы и обсуждать проблемы, по предварительно установленным правилам (конфиденциальность, тактичность) для такой формы «группового консультирования». Обучения на моих тренингах строится как на разборе личных и семейных ситуаций тех, кто обращается за консультацией, так и на моих профессиональных семинарах. Часто мы прорабатываем конкретные объяснения для ребенка, например, почему он был разлучен с родителями. Внутренние установки и представления являются основанием для создания подходящих объяснений. Чтобы изменить внутреннюю установку, я иногда даю объяснения тем, кто обращается за консультацией, и прошу их попробовать, могут ли они принять новую «внутреннюю установку». И они могут сформулировать более подходящие объяснения своими словами, чтобы заново определить свою внутреннюю установку и связанные с ней цели для себя.

До середины 1990-х годов я могла без колебаний выполнять эту работу в соответствии со своими стандартами профессиональной вовлечённости. В результате чего был риск оказаться связанной с Хеллингером, а значит, с заумным и опасным мировоззрением, включающим «приказы» и «законы природы», которые содержат множество фашистско-расистских элементов (см. ниже).

Большинство обывателей не в состоянии отличить серьезные концепции семейной терапии от «работы с расстановками» по Хеллингеру. По сей день мне часто задают вопрос: «Вы работаете по Хеллингеру?». С одной стороны, этот вопрос задают люди, которые восторгаются Хеллингером («Хеллингер — это откровение для меня»), а с другой - люди, которые относятся к Хеллингеру скептически. Я также часто сталкивалась с участниками моих семинаров, которые рассказывали мне о «крайне неудачном опыте» с «расстановками Хеллингера». Эти люди отказывались принимать участие в моих группах семейной терапии. Я даже видела, как один участник выбежал из зала семинара, когда я хотела начать воссоздавать «домашнюю заготовку» в виде ролевой игры.

К счастью, я часто получаю отзывы после семинаров и мастер-классов: «Теперь я получил хороший опыт работы с расстановками». Мой ответ: «Я вообще не использую слово «расстановки». Я дистанцируюсь от Хеллингера самым решительным образом!» А затем следует вопрос: «В чем разница между вашей работой и работой Хеллингера?»

Я могу очень хорошо объяснить, чем отличается моя работа. Гораздо сложнее мне объяснить тот огромный успех, возрастающее с годами влияние и очарование, которое

Хеллингер оказывал и продолжает оказывать не только на потребителей эзотерического рынка, но и на большую часть серьезной психосцены (профессионалов в клиниках, консультационных центрах, в университетах и пр.), даже если часть его былой славы с годами померкла, в т.ч. в связи с тем, что он признался в «любви» к Гитлеру (Hellinger, 2004) и посетил «маленькую рейхсканцелярию» Гитлера на Оберзальцберге близ Берхтесгадена (Schallenberg, 2004). Многие из его сподвижников отреклись от него, но его методы продолжают бурно развиваться в психологической среде.

Доктрина Хеллингера

Хеллингер утверждает, что находится в контакте с психическими силами и получает от них информацию. Хеллингер говорит о «великой душе», «первооснове», «направляющей силе», «силе, которая ведет вас», «глубинных силах», «священных силах», «инфорационном поле», «просветлении», «коллективной совести». Он обнаруживает связи, которые другие не видят, и выводит их «на свет». В гармонии с этой высшей силой он, в результате расстановок, приводит семейную систему «в порядок» и приказывает клиентам подчиниться порядку (в действительности установленному самим Хеллингером), часто через поклоны и ритуальные фразы, которые клиент должен произносить.

Феномен Хеллингера

Все эти годы я задавалась вопросом, когда слышала, как Хеллингер проповедует своим лицемерным, довольно бесстрастным и несколько наивно звучащим голосом, верит ли он сам во все это. Или он просто хитрый бизнесмен, которому нравится манипулировать людьми и получать за это огромные деньги?

Вместе со своей второй женой Мари-Софи Хеллингер-Эрдёди, своей преданной ученицей на протяжении многих лет он продаёт свои услуги под брендом «Unterneh-mensgruppe Hellinger». Несмотря на свой преклонный возраст, он продолжает пропагандировать и распространять свои взгляды по всему миру - на широкую аудиторию, под прицелами камер - в книгах, на DVD и в Интернете. Он влияет на людей и управляет ими, а также под видом всезнающего целителя распространяет по всему миру фашистские идеи.

В любом случае, Хеллингер обманывал, называя свою работу с клиентами «системной терапией». Он никогда не проходил никакого признанного обучения как терапевт. На протяжении многих лет авторитетные терапевтические ассоциации дистанцировались от расстановочной работы Хеллингера и критиковали его в той или иной степени, за исключением нескольких необучаемых людей, которые сами участвовали в бизнесе Хеллингера.

Отношение Хеллингера к тем, кто обращается за консультацией: Хеллингер не уважает границ людей, которые ему доверяют. Возражения не принимаются.

Он требует послушания и подчинения.

Не все клиенты знакомы с основными мистическими гипотезами Хеллингера и не всегда могут принять предложенные им решения или его рекомендации по изменению порядка в сложившейся семейной системе. Когда это происходит, он говорит: «Вы еще не готовы». Или: «Я не могу вас спасти». Всех, кто не следует его «указаниям», он отправляет на место, как школьника. Он унижает своих клиентов, отчитывает их, объявляет

виновными, подавляет, осуждает, каналлизирует (см. Haas, 2009, с. 114-128).

Он не берёт на себя ответственность за ретравматизацию, сопровождающуюся нервными срывами, которые регулярно происходят после его сеансов. Его это не интересует. Он утверждает, что «Терапевт никому не может причинить боль». И улыбаясь, он добавляет: «Если только другой человек этого не хочет» (Buchholz, 2003).

Такое утверждение звучит из уст человека, который в 1997 году в Лейпциге заявил клиентке: «Здесь сидит холодное сердце» и добавил: «Женщина уходит, и никто не может ее остановить. Это может означать и смерть» (Gerbert, 1998). Впоследствии женщина повесилась.

«Представитель» Хеллингера

Все люди обладают более или менее развитой способностью сопереживать другим. Эта способность к сопереживанию - наш инструмент в ответственной работе с семейной системой. Мы делаем свои высказывания в форме предположения, как импульс для динамики. Клиент может сам выбрать то, что соответствует его чувствам, мы помогаем увидеть ему новые аспекты и перспективы. Собственно работа начинается тогда, когда человек, работающий над собой, в диалоге с консультантом вырабатывает для себя шаги решения.

Хеллингер же предполагает, что в «представителей» проникают души реальных людей извне, в том числе умерших людей и предков. Он объясняет это на своей домашней странице: «Представители и руководитель расстановок ведут себя как медиумы, через которых действуют другие силы. Они формируют решения, которые раньше были для недоступны для клиента (Hellinger, 2012a).

Благодаря перестановке «представителей» и восстановлению якобы нарушенных порядков исцеление происходит не только у клиента, но и в представленных им людях. Это происходит потому, что изменения переносятся и на реальную семью, за пределами расстановок, через коллективную семейную душу, даже если они не знают о расстановках.

Но так же, как образ реальной семьи присутствует в данной расстановке, решение, принятое в расстановке оказывает влияние и на реальную семью. Даже если её члены об этом ничего не знают (Hellinger, ten Hövel, 1996, p. 83).

Представители Хеллингера утверждают, что они никогда не ошибаются. Души и высшие силы, с которыми связаны все живые и мертвые, свидетельствуют в их пользу.

Представителю практически ничего не нужно знать о том, с чем он имеет дело. Получается, что, как только его поставили, он вступает в контакт с другим духовным миром, из которого получает точную информацию о нем (Hellinger, 2012b).

В отличие от серьезной семейной терапии, сама «расстановка» и то, что чувствуют в ней заместители, принимаются как истина в последней инстанции. Люди, вовлеченные в метод расстановок Хеллингера, обычно выражают свои ощущения в очень специфических кодах, которые постоянно повторяются: «Сзади тепло», «правая сторона горячая», «это хорошо», «мне так хорошо». Иногда также: «сердце колотится», «я вспотел», «у меня дрожат колени», «так гораздо лучше». «У меня тяжелые руки», «комок в животе, большой и тугой». Или: «Вот где свет». Многие люди позже сообщают, что на самом деле чувствовали себя так же, как

человек, которого они изображали. Как это можно объяснить? В такой эмоционально насыщенной атмосфере трансовые состояния в состоянии бодрствования, напоминающие процессы ночных сновидений, не редкость: самовнушения, частичные гипнотические состояния и приступы групповой истерии – вполне объяснимые явления (см. статью Хааса). Кроме того, большинство участников расстановок Хеллингера отождествляют себя с его учением. Поэтому они уверены, что во время расстановки в них действительно проникла эта «великая сила, «первичная душа»».

На своих тренингах я отмечаю, как и какими словами участники семейной иерархии описывают свои чувства, являются ли они уже опытными участниками, или же они выражают свои чувства без каких-либо предубеждений.

«Приказы» Хеллингера

Основой учения Хеллингера являются обобщенные, непременные приказы: «Нарушение иерархии в конечном итоге карается смертью, здесь в полном смысле» (Hellinger, 2012b).

В других местах: «Есть поведение или установки, которые восстанавливают порядок, и есть поведение, которое нарушает порядок. Цель терапии - восстановить порядок в том, что стало неупорядоченным» (Hellinger, ten Hövel, 1996, p. 94).

Если клиент несчастлив или болен, значит, «порядок» в его семье, клане, народе (по линии предков) был нарушен. Например, кто-то был исключен из семейной системы в результате смерти (рано умер или был убит). Теперь клиент связан с этим умершим человеком пагубным образом и пытается изменить свою судьбу искуплением или последовать за умершим. С помощью расстановок Хеллингер и его последователи устраняют эти нарушения порядка, так сказать, восстанавливают порядок. Хеллингер также утверждает, что влияет на судьбы предков, «иногда на 100 или 200 лет назад». Умершие в псевдоцелительской теории Хеллингера едва ли не важнее живых: По опыту расстановщик знает, что, когда лицо, участвующее в расстановке, смотрит вниз, он смотрит на мертвого человека. Он знает даже больше. Человека, которого замещает этот представитель, тянет к мертвецу.

За короткий промежуток времени они понимают, что поставлено на карту. Речь идет о жизни и смерти (Hellinger, 2012b).

Хеллингер знает, что каждый человек связан со своими умершими предками. Когда Хеллингер «заключает мир» с умершим предком, клиент освобождается от неприятной связи с этим умершим человеком. «Запутанная связь» освобождается.

Приказы выполняются клиентами благодаря их смирению: «Смирение - самая трудная вещь, но оно делает вас богатыми», - пишет Хеллингер в бесчисленных публикациях. Самое распространенное предложение клиентам для решения проблемы единения с семьёй звучит так: «Я оказываю вам честь, спасибо». По словам Хеллингера, люди, которые не могут принять и следовать этому приказу, становятся больными или несчастными и ищут смерти. Он часто, как оракул, предсказывает своим клиентам эту «желанную» смерть. Тяжелобольные люди сами вызвали свою приближающуюся смерть, потому что пренебрегли приказами или отказались принять правила, предложенные Хеллингером (ср. Haas, 2009).

Существует непременная иерархия между мужем и женой, между первой и второй женой,

между родителями и ребенком, между старшими и младшими братьями и сестрами. Например, женщина должна следовать за мужчиной в его дом, в его семью, иначе отношения обречены на провал.

Быть геем или лесбиянкой в корне противоречит представлениям Хеллингера о порядке. Но у него есть способы и средства помочь пострадавшим: например, у меня в терапии был сын-гомосексуалист, который избил своего отца. В расстановках он встал перед ним на колени и сказал: «Я отдаю тебе честь». А через два месяца он женился, и теперь у него есть ребенок (Gerbert, 1998).

Женоненавистничество Хеллингера

По мнению Хеллингера, в отношениях между мужчинами и женщинами заложены традиционные отношения. Образ женщины у Хеллингера биологичен: женщина находит свою самореализацию и достигает своего роста и максимально возможного авторитета, рожая много детей. Это совершенно нормальное представление о женской роли, но у Хеллингера оно становится доминирующим над другими. Ничто другое не может его заменить (Weber, 1999, p. 133).

Женщине, которая всего две недели назад узнала, что у нее рак груди (и чья мать 9 годами ранее от рака груди), Хеллингер заявил: «Рак груди, по моим наблюдениям, иногда является искуплением несправедливости, допущенной по отношению к мужчине» (Pelzer, 2003).

Мы также видим женоненавистничество в оценке Хеллингером сексуального насилия в семьях. Хеллингер утверждает, что основная ответственность в этом случае лежит на матери: мужчина не может устоять перед соблазном, потому что у него есть потребность добиться равновесия. Если вы сейчас поверхностно рассматриваете это как неосознаваемый и неконтролируемый импульс, когда «Он обижает свою дочь», то вы не улавливаете существенной базовой динамики.

(...) Когда происходит нечто подобное, все происходит в согласованном режиме - и женщина, и дочь, и мужчина, - чтобы установить баланс «давать и брать» (Weber, 1999, p. 91).

Хеллингер объясняет, что женщина часто отказывается удовлетворять сексуальные потребности мужчины: «Да, у кого есть ключ, если что-то должно измениться? Только у женщины. И ответственность лежит на ней, а не на мужчине» (там же, стр. 93).

В книге Вебера «Карл» снова спрашивает Хеллингера: «Вы часто ставите женщину в начало цикла событий. Вы редко принимаете во внимание то, что мужчина внес в поведение женщины». Берт Хеллингер: это в природе женщин (...) Это связано с биологической ролью женщин, которая отличается от роли мужчин (там же, с.92).

Устаревшие взгляды Хеллингера на усыновление

Усыновленные могут лучше справиться с горем, наступившим из-за чувства отверженности биологическими родителями, если осознают, что их родители подарили им жизнь, и смогут понять, почему биологические родители были вынуждены расстаться со своим ребенком. Этот процесс часто длится всю жизнь. Усыновленные чувствуют себя полноценными людьми, когда они могут ощутить связь как с приемными, так и с биологическими родителями. Поскольку речь идет о «примирении» или «обретении

внутреннего мира», участники моих семинаров иногда считают, что здесь я во многом соприкасаюсь с Хеллингером. Однако внутреннее примирение с биологической семьей для Хеллингера - скорее исключение: перепрожив это, они могут сказать: «Да, такими были мои родители. Они мне нравятся. Я получил все, что мне было нужно. Другие помогли мне, и теперь я что-то с этим делаю». Тогда он испытывает освобождение. (Хеллингер, 2012c)

К сожалению, такое довольно конструктивное отношение к биологическим родителям не встречается нигде. Напротив, все происходит с точностью до наоборот: Никакого милосердия к родителям. Никакой жалости к бедной матери, даже если ей всего 14 лет.

- но жалость к ребенку». (...) Представьте себе: родители отдали ребенка на усыновление. Они хотели избавиться от него навсегда. Когда ребенок встретится с ними позже, какова будет их реакция? Естественно, с содержанием чувства вины. Иное невозможно. Это неисправимо. Отдать ребенка — это то, что невозможно исправить. Этот поступок сравним с абортом (Hellinger, 2012d).

В видеоролике «Сохрани мне жизнь» (Hellinger, 1998) усыновленным предлагается сказать своим биологическим родителям: «Я отпускаю вас, мое место теперь здесь». Он говорит о том, что у биологических матерей, отдавших своих детей на усыновление, «каменное сердце». Они как бы говорят своим детям, от которых отказались: «Я тебя абортировала. И теперь я ухожу. Я оставляю тебя с твоими новыми родителями».

Мы знаем, что усыновленные склонны определять свою самооценку по тому, чувствуют ли они себя нужными своим биологическим родителям и считают ли они своих биологических родителей хорошими или плохими людьми. В данном случае, сравнение с абортом цинично, потому что оно говорит ребёнку: твои родители не хотели тебя. Но они подарили ребенку жизнь. Строгое осуждение биологических родителей в системе Хеллингера способствует развитию негативной идентичности усыновленных: «С такими плохими биологическими родителями из меня не выйдет ничего хорошего. И если мои родители предпочтут уничтожить меня, то я уничтожу себя». Постулат Хеллингера о том, что отдать человека на усыновление - то же самое, что сделать аборт, разрушителен для самооценки и развития идентичности усыновленных.

Однако, по мнению Хеллингера, не только родители делают себя виновными, отказываясь от ребёнка, но и усыновители, принимая ребенка!

Если кто-то усыновляет детей, потому что у него нет своих, и он хочет завести их таким образом, то это серьезное нарушение природного порядка. Ведь дети принадлежат своим биологическим родителям. (...) «Но просто отдавать детей или брать их без нужды я считаю большой виной» (Hellinger, ten Hövel, 1996, p.136).

В то же время Хеллингер пытается привить усыновленным глубочайшую благодарность приемным родителям. В области усыновления уже много лет ведется работа по подготовке приемных родителей к тому, чтобы приемные дети никогда не чувствовали себя перед ними в долгу. В расстановках Хеллингера усыновленные должны глубоко склониться перед своими приемными родителями и сказать: «Вы сделали это для меня. Я благодарю вас, я отдаю вам честь» или: «Я ничего не заработал, все это было подарено мне вами». Для усыновленных принятие такой установки означает: «У меня нет естественного права получать от своих приемных родителей все, что я хочу. (...) Они должны благодарить

своих приемных родителей, потому что те сделали для них «большое одолжение» (Hellinger, 1998).

«Запутанность» Хеллингера

Одно из ключевых понятий Хеллингера - «запутанность».

Системная семейная терапия заключается в том, чтобы выяснить, не запутался ли кто-то из членов семьи в судьбах предыдущих членов семьи. (...) «Когда это выясняется, человеку легче освободиться от пут» (Hellinger, ten Hövel, 1996, p. 13).

Просматривая видеоролик об усыновлении, я увидела, как Хеллингер создал путы, которые оказали на клиента очень разрушительное воздействие. Там присутствует приемная мать со своим двадцатилетним приемным сыном. Хеллингер спрашивает ее: «Что произошло в вашей семье?». Женщина отвечает, что росла вполне счастливо с отцом и матерью. Это был второй брак матери. Ее первый муж был убит на войне. И Хеллингеру сразу становится ясно: «Вы представляете первого мужа матери, который погиб». Клиентка не может с этим смириться, хочет протестовать. В какое-то время она отказывается делать то, что требует Хеллингер. Затем Хеллингер выносит свое суждение: «Она не может сопереживать сама - я должен ей это показать». Женщина должна сидеть и смотреть. Теперь Хеллингер выясняет не только то, что женщина склонна к самоубийству, потому что хочет последовать за падшим мужчиной, но и то, что она усыновила своего приемного сына, чтобы он последовал за первым мужем своей матери на смерть. Молодой человек одет в черное, и Хеллингер утверждает: «У него предательская одежда. Черный цвет — это смерть». И Хеллингер говорит: «Вы самоубийца, если мы не найдем решение». Клиентка все еще продолжает защищаться. Хеллингер говорит ей: «Вы еще не спасены». Но Хеллингер сначала спасает молодого человека, отправляя его в объятия заместителя приемного отца, заставляя его сказать ему: «Держи меня, чтобы я остался жив». Затем Хеллингер отстраняет приемную мать: «Для вас еще ничего не решено. Вы еще не готовы. Я ничего не могу с этим поделать. Это нехорошо для вас» (1998). Женщину, обратившуюся к нему за помощью, «разоблачают» перед большой аудиторией и обвиняют в намерении позволить своему сыну последовать за первым мужем ее матери на смерть.

По словам Хеллингера, все без исключения люди до конца жизни остаются связанными с умершими или «абортированными» детьми. И очень быстро другим членам семьи приходится брать на себя ответственность или пытаться загладить свою вину. Аборт нарушает правила Хеллингера особенно сильно: Смысл аборта и то, что за него полагается: некоторые после аборта обрекают себя на смерть, и это нужно уважать. Исполнение этого смертного приговора является вершиной того, что ожидается от ребенка (Weber, 1999, p. 136).

Этноцентризм Хеллингера

Из установок Хеллингера следует, что люди должны смиренно принимать и разделять судьбу своего народа. По мнению Хеллингера, если они уклоняются от этого, то заболевают или стремятся к смерти. Лишь иногда встречаются беженцы, которые, по мнению Хеллингера, имеют основания покинуть свою страну. Эти беженцы, естественно, обязаны быть лояльными и благодарными принимающей стране и ассимилироваться.

Всех остальных беженцев он осуждает. По мнению Хеллингера, для души человека лучше умереть в своей стране, чем пытаться избежать судьбы народа. Сейчас есть те, кто бежит от судьбы своего народа, хотя их не преследуют. Они не хотят страдать от того, от чего страдает их народ. Например, многие боснийские беженцы. И они не приносят никакой пользы стране, в которую попадают. И они не могут вернуться в свою страну, потому что там их считают предателями, людьми, уклонившимися от общей судьбы. И они часто заболевают в чужой стране. Так что видно, что в их душах происходит что-то еще. Поэтому нельзя смотреть на это только с идеологической точки зрения: Мы просто должны принимать людей. Мы также должны видеть, что это делает с их душами (Hellinger, 2001).

А это значит, что беженцев лучше не принимать. Хеллингер неоднократно требует, чтобы люди не покидали страну происхождения или возвращались обратно. Буххольц (2003) пишет о клиентке, которая работала с Хеллингером в Вюрцбурге в 2003 году. Она приехала в Германию из Палестины вместе со своим отцом, будучи годовалым ребенком. Хеллингер посоветовал ей: «Скажи своему отцу: „Я возвращаюсь (в Палестину)“. Клиент не может ничего сделать с просьбой «Вернись». Хеллингер говорит аудитории: «Ну, она не может этого сделать!» и, наконец, ей: «Я хочу вам кое-что сказать, да? Умрешь ли ты там или покончишь с собой здесь - разница невелика». Цинизм? Еще одно приглашение к самоубийству?

Он также безжалостно выносит свой смертный приговор усыновленным детям из-за границы: усыновлять детей из других стран — эскапизм. Очень часто для ребенка лучше, если он умрет там. Он связан своей судьбой. (Hellinger, 2012e).

Несомненно, усыновленные дети из других стран выглядят иначе, чем большинство местных. Они - дети двух миров. Им приходится иметь дело с расистской маргинализацией. И было бы хорошо, если бы у детей со всего мира были равные шансы на жизнь, здоровье и образование в их родной стране. Но Хеллингера эти аспекты не волнуют. Лучше умереть в своей стране, чем жить в чужой — вот его девиз. Хеллингер также не признает, что смерть детей во многих бедных странах происходит по вине капитализма и людей. Все это судьба, с которой люди должны смириться.

Отмена добра и зла по Хеллингеру

«Весь западный мир был очарован совестливостью, пока не появился я. Позвольте мне сказать об этом так» (Hellinger, 20121). А в интервью Sudwestfunk (2001) он говорит следующее: «привязывая нас к семье или к народу, совесть исключает других. (...) Таким образом, совесть связывает нас только внутри группы, но отделяет от других групп. (...) Вот почему совесть — это еще и то, что ведет к войне. Эта совесть стоит на пути к миру. И мы должны преодолеть эту совесть».

По мнению Хеллингера, именно совесть соответствующего народа, семьи, характеризует нас. Моральная категоризация здесь неуместна. Это правда, что сам Хеллингер постоянно опирается на критерии добра и зла! Но в то же время он подчеркивает, что все ценности относительны и что мы должны бороться со своей совестью! Для Хеллингера решение заключается в том, чтобы признать совесть противника, врага, (т.е. другого) равноценной. Как этого достичь Хеллингер пишет своих статьях «Актуальность

жизнеобеспечения (помощи жизни)»: Человек должен стремиться к резонансу «с целым». «В конечном итоге резонанс означает: я люблю всех. (...) Все, что я отвергаю, я принимаю в свое сердце. Поступая так, я обретаю любовь ко всем. Благодаря этому я становлюсь великим (Hellinger, 2012f)».

«Вселюбовь» означает: не существует обычаев, базовых ценностей, которые являются неизменными независимо от соответствующей референтной группы, за исключением, конечно, установок Хеллингера. Это происходит потому, что они обязаны не совести, присущей каждому народу, а «великой силе», которая стоит над всем и распространяется на всех людей в мире. Отмена добра и зла по Хеллингеру означает: нет различий между сексуальным насильником и обиженным ребенком, нет различий между теми, кто убивает, и теми, кого убивают, нет различий между преступниками и жертвами и, например, нет различий между правыми радикалами и движением за мир: «Однажды я был на курсе, когда в Бонне проходила большая демонстрация в защиту мира. И некоторые из участников очень хотели пойти на эту демонстрацию. В этой группе те, кто хотел пойти на демонстрацию, были самыми агрессивными. Вы видите, что многие люди, выступающие за мир или против правых экстремистов, или что-то в этом роде, по сути, совершенно, абсолютно одинаковы. Только маркировка разная, но эмоции одни и те же» (Hellinger, 2001).

Хеллингер утверждает, что все позитивные социальные потрясения происходили не по инициативе отдельных людей или первоначально локальных групп, а были вызваны высшей силой, которая затем направляла или захватывала людей. Это вопрос соответствующего места и соответствующего «течения», в котором мы находимся. Иногда наступает подходящий момент, когда народ (ведомый высшей силой) вызывает великое движение (например, падение Берлинской стены в ГДР). В идеологии Хеллингера отмена добра и зла и отказ от совести соответствующего народа ведет к реабилитации злодеяний немецкого фашизма, включая убийство 6 миллионов евреев, и к извинениям всех, кто этому способствовал. Немецкие наци солдаты «проявили героизм»: «Но преступники точно так же связаны своей совестью или идеологией своего народа того времени в этом национал-социалистическом движении. Они совершали преступления с чистой совестью. Поэтому то, что взяли на себя солдаты, было невероятно. Героизм был невероятным в то же время, но все это было напрасно, тщетно. Они не были свободны в своих решениях. И мы должны признать это. И в этом смысле они тоже жертвы. И все это можно понять, только если рассматривать и жертв, и преступников как служащих великой силе» (там же). Однако он совершенно не видит этого героизма в борцах сопротивления нацистскому фашизму! «Но потом мы говорим о бойцах сопротивления так, как будто они достигли чего-то великого. По мне, так они этого не сделали. Они не плыли по течению. Они думали, что смогут идти против него. Но это оказалось невозможным» (там же).

Как ни странно, в другом месте: «Возьмем студентов «Белой розы». Они были героическими. Они выступили против одной группы, потому что были связаны с другой. (...) Любой человек, выросший в мафиозной группировке, выступает против одного порядка, потому что в своей группировке он подвержен влиянию другого порядка. Но на него навешивают ярлык преступника. Но ментальный процесс точно такой же. Каждый человек является таким, какой он есть, потому

что он связан с группой. Теперь мы проводим моральное различие: одни хорошие, а другие плохие. Это не работает. Членам «Белой розы» повезло, что режим рухнул. Теперь они - великие герои. Если бы нацисты победили, они бы так и остались преступниками. В этом и заключается вся разница между добром и злом» (Weber, 1999, p. 203).

Хеллингер довел свой постулат о том, что люди могут быть счастливы и жить в мире с собой и другими людьми только в том случае, если они принимают все противоположное и отличное в себе до крайности и вызвал большое возмущение следующим заявлением: «(Еврейский) народ обретет мир с собой, со своими арабскими соседями и со всем миром только тогда, когда последний еврей произнесет молитву о смерти Гитлера» (Hellinger et al., 2001, p. 50). Он последовательно развивал собственные убеждения. Он чувствовал себя вынужденным (и это вызвало бурю негодования среди многих его бывших друзей) принять Гитлера в себя и признаться в любви к нему: «Некоторые считают вас нелюдем, как будто на свете есть кто-то, кого можно так назвать. (...) Если я уважаю вас, я уважаю и себя. Если я ненавижу тебя, я также ненавижу себя. Могу ли я тогда любить тебя? Должен ли я любить тебя, потому что иначе я не могу любить себя? Если я признаю, что вы были человеком, как и я, то я смотрю на нечто, что одинаково располагает нас обоих, на нечто, что является и вашей причиной, и моей - и нашим концом. Как я могу исключить себя из этого дела, исключив вас» (Hellinger, 2004, p. 247). Это внутреннее примирение с Гитлером, должно быть, не было для него слишком трудным, ведь он, вероятно, никогда не выступал против фашистских идей, которые, вероятно, так сильно были развиты в его детстве и юности!

Почему Хеллингер был и остается таким успешным?

Магическое и мистическое мышление господствовало над людьми на протяжении тысячелетий. Эта готовность людей быть глубоко покорными предполагаемым высшим силам и властям позволила альянсу религии, капитала и государств эксплуатировать и господствовать по всему миру, и они часто даже добровольно подчиняются этому господству. Многие чрезвычайные ситуации, разрушение природы и войны, вызванные господством людей и капитала, преподносятся нам в средствах массовой информации как роковые события. Так же обстоит дело и с Хеллингером.

Очевидно, что своими догматичными и впечатляюще простыми решениями и «восстановлением порядка» он нашел отклик у многих людей, желающих не брать ответственность за жизнь в свои руки, а подчинить себя «высшим законам». Он оживляет и обслуживает магическое мышление из человеческих инфантильных фантазий. Возможно, во многих людях до сих пор живет скрытая потребность в том, чтобы отец взял их за руку и научил чему-то в жизни. Санкции и строгость также являются частью такого отца. Для этого Хеллингер изобретательно подмешивает в свои догматические принципы основные истины, которые актуальны для нас - людей, - сколько мы себя помним (например, важность привязанности детей к родителям, необходимость оплакивать и внутренне принимать неизбежную судьбу, такую как смерть близких или тяжелая болезнь). Однако он незаметно покидает область актуальных для всех базовых переживаний и постулирует любое количество произвольных правил,

соответствующих идеологии крови и почвы нацистского фашизма и запрещающих самостоятельное мышление и свободу.

Реальная психотерапия — это сложная работа. Приказы и пророчества Хеллингера, часто выдаваемые как рецепт, освобождают клиента от тяжелой работы над собой. Решения приходят быстро, а мнимое исцеление наступает у тех, кто приходит в зависимость от метода Хеллингера, как от сильного наркотика: эффект «захлестывает» клиента. Именно поэтому люди, подверженные риску зависимости, особенно восприимчивы к этому методу. Кроме того, идея о том, что человеком управляют предки и высшие силы, снимает с него ответственность. Она деполитизирует. Я могу полностью посвятить себя своему личному счастью. Нищета, несправедливость, войны, экологическое разрушение мира — мы можем оставить все как есть и чувствовать себя при этом хорошо!

Заключение

Жизненное правило, согласно которому смириться с неизбежным, примириться с тяжелой судьбой может принести облегчение, является целью и в традиционных терапевтических установках. Однако обобщать эту стратегию преодоления опасно. Как только дело касается социального контекста, ответственности за детей или подростков, социальных, общественных или политических сфер деятельности, «смирение с судьбой» может быть разрушительным для себя и других.

Конечно, хорошая терапия ни в коем случае не сводится к тому, чтобы убедить человека приспособиться, смириться и принять свою судьбу, но скорее позволяет и поощряет его позиционировать себя, эмансипироваться, действовать, защищать себя, самоутверждаться, проводить границы, говорить «нет», быть активным и творческим, развивать собственную инициативу, возможно, даже плыть против течения. В таком свете жизнь «великого вселюба» и самоотречения — это довольно унылое, неэффективное и незадачливое существование, и поэтому его вовсе не стоит рекомендовать!

Литература

1. Buchholz, M. (2003). Da sitzt das kalte Herz. [Online) http://www.zeit.de/2003/35/Hellinger-Haupttext/ seite-7 [06.12.2012)
2. Gerbert, F. (1998). Psycho-Szene. Wenn Therapeuten Gott spielen. Focus, 13, 222-223. [Onlinel http:// www.focus.de/kultur/leben/psycho-szene-wenn-the-rapeuten-gott-spielen_aid_170465.html [06.12.2012)
3. Haas, W. (2009). Das Hellinger-Virus. Über Risiken und Nebenwirkungen von Aufstellungen (2. korr. und erweiterte Aufl.). Kröning: Asanger Verlag.
4. Hellinger, B. & ten Hövel, G. (1996). Anerkennen, was ist. Gespräche über Verstrickung und Lösung. München: Kosel.
5. Hellinger, B. (1998). Haltet mich, dass ich am Leben bleibe. Lösungen für Adoptierte. 7 Stunden Video-Edition. Heidelberg: Carl Auer Systeme.
6. Hellinger, B., Hohnen, H. & Ulsamer, B. (2001). Mit der Seele gehen. Freiburg: Herder.

7. Hellinger, B. (2001). Interview Südwestfunk. [Online] http://www.hellinger.com/deutsch/virtuelles_ins-titut/bert_hellinger/interviews/2001_08_26_interview_suedwestfunk.shtml |03.03.2003)
8. Hellinger, B. (2004). Gottesgedanken: Ihre Wurzeln und ihre Wirkung. München: Kösel.
9. Hellinger, B. (2012a). Das Familien-Stellen. Ein Über-blick. [Online] http://www2.hellinger.com/home/ bert-hellinger/bert-hellinger/das-familien-stellen-ein-ueberblick/ (04.12.2012]
10. Hellinger, B. (2012b). Überblick, wie uns die Liebe gelingt. [Online] http://www2.hellinger.com/home/ bert-hellinger/bert-hellinger/ordnungen-der-liebe/ [04.12.2012)
11. Hellinger, B. (2012c). Lebenshilfe aktuell. Handeln http://www2.hellinger.com/home/bert-hellinger/ lebenshilfe-aktuell/ausgabe-11-april-2011/taeter-und-opfer/ [07.12.2012]
12. Hellinger, B. (2012d). Lebenshilfe aktuell. Was ist bei Adoptionen zu berücksichtigen? [Online http://www2.hellinger.com/home/bert-hellinger/ lebenshilfe-aktuell/ausgabe-11-mai-2011/adoption/ [07.12.2012)
13. Hellinger, B. (2012e). Lebenshilfe Aktuell. Kinder aus fernen Ländern. [Online] http://www2.hellinger.com/home/bert-hellinger/lebenshilfe-aktuell ausgabe-11-mai-2011/fragen-und-antworten/ (07.12.2012)
14. Hellinger, B. (2012f). Das neue Familienstellen: Gehen mit dem Geist. [Online] http://www2.hellinger.com/home/bert-hellinger/lebenshilfe-aktuell/ ausgabe-11-mai-2011/der-geist/ [04.12.2012]
15. Hellinger, B. (2012g). 0 selig, o selig, ein Kind noch zu sein. (online) http://www2.hellinger.com/home/ bert-hellinger/lebenshilfe-aktuell/ausgabe-29-no-vember-2012/o-selig-o-selig-ein-kind-noch-zu-sein/ 107.12.2012]
16. Hellinger, B. & Hellinger, S. (2012). Familien- und Sys-temaufstellungen nach Bert und Sophie Hellinger. Seminar- und Ausbildungskonzept. (Online] http:// www.hellinger.com/Media/PDFs/AusbKonzOK27.7-neu.pdf [04.12.2012]
17. Pelzer K. (2003). „Gut aufgestellt ?" Der Streit um Bert Hellinger und seine „Aufstellungsarbeit" [Online) http://www.ibs-networld.de/ferkel/Archiv/ pelzer-k-03-09_hellinger.html [06.12.2012)
18. Schallenberg, J.(2004). Das Psycho-Hauptquartier. [Online) http://www.taz.de/1/archiv/archiv/?dig=2004/06/29/ a0154 [06.12.2012]
19. Weber G. (Hrsg.) (1999). Zweierlei Glück. Die syste-mische Psychotherapie Bert Hellingers (12. Aufl.). Heidelberg: Carl Auer Systeme.

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: И Виманн Помощь жизни (жизнеобеспечение) Берта Хелингера – мизантропическая псевдотерапия спасения. 2025. Т. 2. № 1. С. 3–16, DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-3-16

Irmela Wiemann

Life support of Bert Hellinger – the misanthropique theory of pseudosalvation

Irmela Wiemann - psychologist, Fasanenstrasse 4, D-35796 Weinbach, tel.: +49/6474/91027, email: mail@irmelawiemann.de

Abstract

Experience shows that ordinary people do not understand the differences between serious forms of systemic family modeling approaches (e.g. family sculpture) and the so-called Hellinger family arrangements. In the article, we draw attention to these differences, including based on the author's work. In the arrangements formulated by Hellinger, it is believed that the "leader of the arrangements" (the planner) makes decisions based on an epiphany emanating from a "higher power", and the deputies act as "mediums". Bert Hellinger points out that he allegedly bases his work on a dogmatic approach to the organizational system. Upon closer examination, it turns out that his view of the world and people is an archaic, anti-emancipation, destructive concept. By relativizing (blurring the line) between good and evil, he completely "absolves" characters like Hitler and Nazi Germany of guilt, absolving them of responsibility for the horrors of Nazi fascism.

Keywords: System modeling methods; Hellinger family arrangements; gender discrimination; abuse; Nazi fascism.

For citing: Wiemann I. Life support of Bert Hellinger – the misanthropique theory of pseudosalvation. 2025; (1): 3–16, DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-3-16

УДК 159.96 DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-17-29

Клаус Вебер

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ИДЕОЛОГИЮ РАССТАНОВОК. ПРИКАЗЫ ДУШИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Перевод статьи, опубликованной в «Журнале психотравматологии, психотерапевтической науки, медицинской психологии»
Klaus Weber: Akademische Weihen für die Aufstellungsideologie Die Ordnungen der Seele als Ausdruk einer totalitären Psychologie, Zeitschrift für Psychotraumatologie Psychotherapiewissenschaft Psychologie Medizin Themenschwerpunkt: Aufstellung bei Trauma oder Trauma oder bei AufstellungHerausgegeben von Werner HaasJg.11, 2013, Heft 1, p. 25

Переводчик: В.Б. Гоглидзе - психоаналитик, член Ассоциации психоаналитиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза». Председатель редакционной комиссии сетевого издания «Гипноз и психоанализ в клинической и экспериментальной психологии»

Научный редактор: А.В. Савченков – психоаналитик, доцент АГИП, президент Ассоциации психоаналитиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза». Главный редактор сетевого издания «Гипноз и психоанализ в клинической и экспериментальной психологии»

Аннотация

Мюнхенский профессор психологии Франц Рупперт сочетает анализ психологических проблем и болезней с вариантом семейных расстановок Хеллингера. Он исходит из модели, которая через переживания в расстановках и ее субъективную интерпретацию должна дать «больному» человеку информацию о причине его страданий. Исследование Клауса Вебера показывает, что модель Рупперта и Хеллингера не является ни научно обоснованной, ни оправданной с точки зрения здравого смысла. Напротив, проблемы людей превращаются в установки, прояснение которых возможно, по мнению Рупперта, только при условии принятия интерпретации в соответствии с его методом расстановок. Анализируется тоталитарный аспект хелингианского типа психологии.

Ключевые слова: семейные расстановки по Хеллингеру, травма, психиатрическая критика, психотравматология, душа, семейная душа

Введение

Франц Рупперт - профессор психологии в Католическом университете прикладных наук в Мюнхене, руководитель программы подготовки социальных работников. Он является одним из учеников и сторонников Берта Хеллингера, который известен своими так называемыми семейными расстановками. В своей книге «Смятенные души» (2002) Рупперт пытается исследовать людей с тяжелыми и очень тяжелыми психологическими проблемами. Он утверждает,

Клаус Вебер - д-р, профессор Факультета прикладных социальных наук, Мюнхенского университета прикладных наук (Германия, Ам Штадтпарк, 20, 81243 Мюнхен) тел.: +49/89/1265-2313, email: k.weber@hm.ed

что для написания книги ему потребовалось «вдохновение, сила и мужество» (там же, с. 35). Свою энергию он черпает из «судьбы рода, моей привязанности к родной семье и противостояния с личной психологической травмой» (там же, с. 37). Более двадцати раз в своей книге Рупперт ссылается - иногда очень подробно - на учение Берта Хеллингера и его семейные расстановки, можно предположить, что «исцеление» Рупперта началось в контексте расстановки Хеллингера. А незамысловатый «теоретический» вывод Рупперта о том, что его травма и все психологические травмы «в конечном итоге исцеляются только через любовь» (там же), - не что иное, как девиз Берта Хеллингера. Новым в книге Рупперта - в отличие от объяснений его учителя - является то, что он, во-первых, пытается переработать свой опыт, полученный во время участия в расстановках, и сформировать теорию психологических расстройств и их «исцеления», а во-вторых, в рамках собственной парадигмы считает, что может дать четкое объяснение этиологии психологических расстройств. В статье проанализирована претензия Рупперта на научность его работы, а также скрытые идеи и предположения того, что он называет своей «психотравматологией».

Научное отношение. Медицинская психиатрия и социальная психиатрия

Для Рупперта объяснительные модели, используемые в общей психологии для «душевного расстройства», являются «сухими и расчётливыми» (там же, с. 12). Давая такую оценку он, попросту говоря, ссылается на то, что ни дедуктивно-номологическое обоснование (каузальнось, причинно-следственные связи и т.д.), ни вероятностные объяснения (статистические) не способны понять и объяснить ни субъективно переживаемое душевное страдание, ни его этиологию, ни его «системную природу» (ср. Ahrens, 2002). Это позволяет нам обозначить два решающих принципа в изучении психических процессов, которые фактически в значительной степени игнорируются мейнстримной психологией: с одной стороны, исторический подход к объяснению психологических проблем и, с другой стороны, обращение к тому, что Выготский называет «социальной ситуацией развития» (1987, p.75) человека, которая в клинической психологии называется расположенностью, а в социальной психологии - социальностью человеческого мышления, чувства и действия. Рупперт справедливо считает медикаментозно ориентированную психиатрию методом, который лишь в редких случаях способен справиться с психологическими проблемами тех, кто обращается за психиатрической помощью. Интересно, что Рупперт лишь вскользь затрагивает антипсихиатрические, социальные и общественно-психиатрические попытки изменить институт психиатрии, а также взгляд на психически больных людей: «Учитывая неглубокость медицинских теорий в области эндогенных психозов. ...нетрудно аргументировать антипсихиатрическую позицию. Критика психиатрии, в которой за последние 50 лет доминировали медики, является международной и обоснованной, и нет недостатка в требованиях кардинально изменить всю систему психиатрической помощи» (op. cit., p. 13).

Однако далее Рупперт говорит, что прогрессивные общества смирились с тем, что психически больных можно только обездвижить и вывести в ремиссию, но не

лечить. Более того, даже критические подходы (он упоминает авторов психоаналитической и групповой психиатрии) не смогут «снять бред» душевнобольных (там же, с. 14) и объяснить тайну бреда. Неудивительно, что Рупперт указывает на предпринимавшиеся на протяжении веков попытки психиатрии объяснить психозы и лечить их, и называет «неудачными» (там же, с. 12), и патогенными (там же, с. 13). Еще более удивительно то, что он принижает антипсихиатрические попытки понять психически больных людей, указать на то, что они требуют достойного отношения и являются уникальными, называет такой подход «благонамеренной партизанщиной в пользу психически больных» (ibid, p. 14) и намекает, что они могут предложить лишь теоретические концепции, такие как «девиантное поведение, неблагополучие или стресс» (там же), которые не являются полноценными для того, «чтобы действительно понять причины мании преследования и паранойи» (там же). Это искажение антипсихиатрических понятий и терминов также включает в себя игнорирование Руппертом психоаналитической (напр. Loch, 1999), социально-психиатрической (Wulff, 2003; Pfefferer-Wolf, 1999) и общественной психологии и психиатрии (обобщенно описанных в Thom & Wulff, 1990), которые были и остаются довольно успешными в достижении того, что люди с психическими расстройствами сегодня всё меньше подвергаются госпитализации, меньше дискриминируются и начинают справляться со своими проблемами самостоятельно и в сотрудничестве с окружением.

Главный тезис нападок Рупперта как на медикаментозную психиатрию, так и на альтернативные подходы заключаются в том, что они не приводят к излечению. Что касается теорий и практических концепций социальной и общественной психиатрии, то Рупперт, безусловно, прав: исцеление в его патерналистском смысле не является их целью; скорее, они занимаются сопровождением психически нестабильных людей, что в лучшем случае может привести к тому, что они научатся лучше понимать причины и социальный контекст своей нестабильности, и смогут, хотя бы отчасти, от них освободиться. Возникает вопрос, какое научное обоснование Рупперт может дать психическим расстройствам и чем он может подтвердить то, что его метод терапевтического воздействия помогает пациентам «так, что душевное смятение у них и в их семейной системе растворяется до такой степени, что они снова могут вести нормальную жизнь» (op. cit., p. 466), то, что Рупперт называет исцелением.

Опыт как основа научного объяснения

Сообщения Рупперта, объясняющие психические расстройства, основаны, как он неоднократно подчеркивает в своей книге (с. 33/58/60), на его собственном опыте, а не на научных процедурах оценки этого опыта. С академической позиции, опыт, полученный отдельными людьми, не является доказательством теоретических положений. Морус Маркард (1999) указывает, что, с одной стороны, опыт «производится в среде социальных форм мышления» (с. 8) и поэтому может также передаваться, обсуждаться и оспариваться. С другой стороны, опыт — это всегда опыт, который мы получаем в социальных ситуациях и отношениях. Однако, поскольку эти социальные структуры входят в модусы опыта, они могут быть «поняты только в теоретической рефлексии» (там же): «Переживания, которые не анализируются с точки зрения таких неконцептуальных, но тем не менее

структурирующих моментов, анализируются неполно или «косвенно»» (там же).

Рупперт, напротив, утверждает, что опыт может доказывать факт, лежащий вне его, не подвергая рефлексии ситуации, в которых он или другие имеют опыт. Наиболее лаконично это выражено в его утверждении, что семейные расстановки для психологии - то же, что микроскоп для естественных наук: «Они делают видимым то, что мы не можем увидеть невооруженным глазом. Они открывают то, что сокрыто. Они открывают дверь к более глубокому пониманию. Они на порядки увеличивают терапевтические возможности» (op. cit., p. 289). Рупперт убежден, что метод семейных расстановок Хеллингера может «сделать прозрачными самые глубокие психологические конфликты» (там же, стр. 290) и что эмпирические исследования показывают положительную динамику после семейных расстановок. Пример Рупперта с микроскопом - лучшее доказательство того, что семейные расстановки не могут ни объективно объяснить причины психических заболеваний, ни инициировать процесс исцеления с помощью эмпирических данных. Микроскоп — это измерительный инструмент, который уже структурирует результат наблюдения благодаря тому, как он расположен по отношению к измеряемому: «Измерение — это управляемое теорией, зависящее от модели, вмешательство в систему... - Метод не изменяет объект, они не независимы друг от друга» (LdP, 2001, p.57). Рупперт игнорирует аспект измерений, сформулированный в лексиконе психологии как принцип неопределенности Гейзенберга, и отражает тот факт, что семейные расстановки, как метод, структурируют (изменяют) опыт участников конкретной расстановки, и формирует теоретические положения, полученные в результате их проведения.

Критика типа семейных расстановок, практикуемых Руппертом, исходит также от «Системного общества», которое рассматривает себя как профессиональную ассоциацию системно активных психологов и терапевтов: «Недавно ... утвердилась «культура расстановочной работы», которую следует оценивать очень критически. В значительной степени подобная практика не может быть согласована с принципами системной терапии, особенно когда она проводится в рамках анонимных масштабных мероприятий и не основана на контактах и личных отношениях. ... Как одна из ведущих ассоциаций системной психотерапии, мы дистанцируемся от этой культуры расстановочной работы, в которой люди подвергаются своего рода «целительской работе» без какой-либо формы обеспечения качества и контроля (например, через супервизию), в которой подпитываются нереалистичные надежды и достигаются нереалистичные результаты, крайне упрощенные, передаются упрощенные контексты. ... Именно такая практика, когда обращающиеся за консультацией сталкиваются с «истиной», истиной, которая отделена от описывающего ее человека и установлена как абсолютная, не имеет ничего общего с системной терапией, как ее представляет Системное общество» (Systemische Gesellschaft, 2002).

Однако Рупперт отвергает подобную критику, ссылаясь на свой собственный опыт, который активно критикуется, и утверждает - без всякой рефлексии - что реальность может быть пережита в его расстановках теми, кто «не закрывает глаза и уши» (там же, стр. 290). Для него доказательством эффективности

служат «многочисленные положительные отзывы» (там же) от пациентов, «которые признают целительный эффект ...

Расстановки

Если руководствоваться только чувствами тех, кто в результате терапии наблюдает положительную динамику, в признании эффективности метода, то любая критика теряет свой смысл. Вне этой логики можно лишь отметить, что подобный способ аргументации типичен для культов: критика отвергается главным аргументом - все члены культа довольны и у них все хорошо. Предполагается, что только те, кто сам получил опыт и остался в терапии, могут адекватно оценивать результаты работы в группе. Все остальные, кто отказался от терапии или её продолжения, по мнению Рупперта, - нытики, левые психи и т. д.

Однако в своих расстановках Рупперт не только допускает участие более 50 человек и заканчивает свои «семинары» без критического осмысления результатов расстановки но, помимо людей, он также включает в расстановки как объекты «абстрактные психологические переменные» (там же, стр. 291), такие как страхи, зависимости или даже «нейродермит» (там же). Рупперт также сообщает о расстановках, в которых он моделировал всю семью Адольфа Гитлера (ibid., pp. 413-414). В своей «терапевтической» работе с Людвигом, используя принуждение, Рупперт выстроил в ряд семью Людвига и еврея, застреленного его дядей. Даже не осознавая своего цинизма, Рупперт пишет о «пережитых» отношениях между людьми, участвующими в расстановке и выстроенных в шеренге: «Фронты между убитым еврейским владельцем усадьбы и дядей Людвига, и его отцом были полностью ожесточены» (ibid., p. 347). Людвиг, по утверждению Рупперта, исцелился не потому, что справился с гневом, ненавистью и стыдом, которые он испытал, узнав, как его ближайшие родственники участвовали в уничтожении евреев и при этом обогащались за их счет. Исцеление Людвига произошло благодаря тому, что Рупперту пришла в голову идея расставить Адольфа Гитлера и немецкий народ. Затем Рупперт «попросил кого-то из семьи Людвига склониться перед личной судьбой Адольфа Гитлера». Это растворило непримиримую конфронтацию между Адольфом Гитлером и евреем» (там же, с. 348), после чего немецкий народ склонился перед судьбой еврея. Людвиг преклонился перед своим дядей-убийцей и отцом и «смог также с любовью посмотреть в глаза еврею» (ibid. с любовью» (там же). Очевидно, что улучшение состояния Людвига в данном случае, при участии заместителей указанных выше лиц во главе с Руппертом, произошло потому что Людвиг избавился от эмоциональной и когнитивной конфронтации со своими преступными родственниками: Гитлер - виновник, но тебе должно быть его жаль, и ты склоняешься перед его нелегкой судьбой. Затем (обратите внимание на порядок) немецкий народ склоняется перед евреем и оправдывает себя (а значит и Людвига) от причастности к убийству евреев. Наконец, происходит примирение Людвига с отцом и дядей, и теперь на еврея можно смотреть с любовью. Расстановка вызывает именно те чувства, от которых Людвиг хочет и может избавиться. Если он чувствует себя лучше, то это лишь доказательство того, что инсценированное напряжение расстановки было снято Руппертом и что расстановок в целом для их собственного психического здоровья» (там же)!

это снятие представлено как «решение» жизненных проблем Людвига.

Приказы души. Женственные женщины и либидинозные мужчины. Гендерный порядок

Образ человека и семьи, который Рупперт представляет в своей книге, тесно основан на теории Берта Хеллингера, которая характеризуется жесткой системой и определённым порядком, четким распределением ролей в подсистемах (семья, клан, нация, народ и т. д.) и объясняет болезни тем, что люди покидают эти «порядки любви». На примере гендерных отношений в семье реакционное ролевое клише становится основой для «здоровой» психики членов семьи. Порядок между мужчинами и женщинами биологически предопределен следующим образом: Мужчины, в силу заложенной в них «огромной природной силы» (там же, с. 113) сексуальности, которую они используют «хотим мы этого или нет» (там же), «по своей природе не предназначены для фиксированной партнерской связи» (там же, с. 114): «Мужская сексуальность по своей природе... ориентирована на высокую частоту спаривания, женская сексуальность - на избирательный выбор сексуальных партнеров. Мужская сексуальность в принципе выполняет свою задачу через деторождение» (там же, с. 113-114), мужчины хотят только «своего удовлетворения в сексуальном акте» (там же, с. 114). Женщины же, на которых лежит задача «позволить потомству расти внутри себя, родить его и продолжать заботиться о нем», обладают более высокоразвитой способностью к связи с другими живыми существами в результате этой биологической детерминации. Поэтому супружеские пары «по природе своей существуют для сохранения вида» (там же, с. 75) и должны безоговорочно выполнять эту поставленную задачу. И даже если, как пишет Рупперт, «ребенок рождается в результате изнасилования» (там же), то есть мужчина «совершил насилие над женщиной» (там же, с. 73), задача женщины - не презирать биологического отца, а проявлять к нему признание и любовь: «Чем больше мать любит и уважает отсутствующего отца ребенка, тем больше эта часть ее души влияет и на душу ребенка» (там же, с. 72-73). Если же она этого не делает, то «обесценивает отцовскую часть души ребенка и ослабляет ребенка и его эмоциональную силу. Тогда ребенок чувствует себя в корне неполноценным» (там же, с. 73). А это, в свою очередь, приводит к тому, что дети впоследствии становятся «смятенными душами», поскольку коллективная душа семьи нарушена.

Качества психики, на которые указывает Рупперт, - реакционность, авторитарность и отчуждение. Это связано с тем, что задача коллективной семейной души (а также клановой, народной и т. д.) «демаркировать то, что ей не принадлежит» (там же, с. 64), и соединять то, что отделено. Если индивиды нарушают правила принадлежности к семье, клану или нации, это приводит к самым серьезным нарушениям, которые, в свою очередь, заканчиваются насилием, войнами, крестовыми походами и террором. То, что социальные условия, способствующие возникновению психических заболеваний, оправдываются подобной «теорией», - один из спорных моментов этой книги. Другой спорный момент — это способ, которым Рупперт «доказывает» свою теорию нарушенных семейных связей.

Настоящая душа

С точки зрения идеологической теории, способ, которым Рупперт обосновывает свою теорию, можно описать как тоталитарную замкнутую систему. Как система, она функционирует на основе механизма ретроспективного прогнозирования. Ретроспективное предсказание выражается в повседневном языке, например, в предложении: «показателем его слабой волей, потому что он ничего не добился». Пример из книги Рупперта показывает, как это «ретроспективное предсказание» работает в его аргументации: для построения Руппертом различных «душ» (душа семьи, душа клана, душа нации и т. д.) важно, что душа — это не просто термин, который может обозначать множество вещей (дух, психика и т. д.); для него важно, что «душа» действительно существует. Его «рассуждения» выглядят следующим образом: «Душа существует потому, что люди постоянно порождают психические процессы во взаимных отношениях. Таким образом, душа — это эмпирический факт для каждого человека. Каждый человек переживает психические процессы в контакте с другими» (ibid., p. 60). То, что должно быть доказано (explanandum), - душа существует. Доказательство (explanans), которое на это может указать, не должно быть из разряда того, доказываемая вещь уже априори содержится в нем. Однако именно так обстоит дело с аргументацией Рупперта. Сформулированный несколько более четко, его аргумент звучит следующим образом: «Душа существует, потому что у людей есть души». Вступая в контакт с другими людьми, эти души порождают психические процессы. Поскольку это так, каждый человек должен быть убежден, что то, что он испытывает в контакте с другими людьми, является его душой или его психическими процессами. Это тавтологическое рассуждение невозможно опровергнуть, потому что оно представляет собой замкнутый круг. Вы можете верить в него или не верить; в этом отношении подобные утверждения являются религиозными, но не научными. Точно таким же образом Рупперт «доказывает» свою типологию травмы на различных практических примерах: Рупперт предлагает «четыре типа травмы» (там же, с. 130) для понимания психического нарушения, даже не удосуживается объяснять, почему он называет именно четыре, а не три или пять типов травмы: «экзистенциальная травма, травма потери, травма привязанности, травма системы привязанности» (там же). Каждому из этих типов травмы он приписывает определенные группы симптомов: например, экзистенциальная травма приводит к массовой тревоге, обсессивному поведению и т. д., а травма системы привязанности - к шизофрении и психозам. Центральным понятием в классификации Рупперта является «душа», прежде всего «семейная душа», разрушение которой в результате абортов, убийств, самоубийств или «брошенных детей» (там же, с. 178) приводит к ужасным последствиям для всех членов, принадлежащих семейной душе. В результате в семейных расстановках Рупперта убийства и самоубийства признаются триггерами психических заболеваний через два или три поколения.

Вернемся к душе и последуем за Францем Руппертом в его вере в душу. После утверждения, что индивидуальная душа — это факт опыта, понятие души расширяется: душа — это не только нечто индивидуальное, но она может быть «пережита как нечто, выходящее за пределы отдельного человека» (там же, с.

61). И здесь возникает вопрос: как автор обосновывает это утверждение? И здесь мы видим трюк «ретроспективного предсказания»: работа с семейными расстановками — это то, что формирует «душу семьи» (там же, с. 62) и делает её осязаемой; можно «непосредственно увидеть и почувствовать, как члены семьи эмоционально связаны» (там же, с. 61). Но даже этой «осязаемой» семейной души недостаточно, чтобы описать, что могут испытывать более крупные образования, чем семья. Рупперт упоминает душу сиппензы, душу клана, душу племени, душу народа и душу нации. Однако «последний шаг в развитии этой души» (там же, с. 63) делается только тогда, когда мы, люди, больше не воображаем, что у нас есть душа, а являемся частью большей коллективной души, в которую включены и умершие, «находящиеся в душе» (цит. По n. Hellinger, ibid., p. 62): «Таким образом, мы переходим в области, которые можно отнести к религиозным и духовным. Включение этого измерения часто необходимо для разрешения психологических конфликтов» (там же, с. 63).

Теперь, когда душа стала сверхъестественной сущностью, следующий шаг - снова ее овеществить и сконструировать как действующую сущность: «Она растет и разворачивается... через плохой опыт она становится настороженной... противоречивые требования могут даже ввергнуть душу в смятение» (там же, с. 63-64). Эта переделка души в субъект, способный действовать, имеет следствием то, что человек как субъект должен чувствовать себя беспомощным и неспособным действовать исходя из своих душевных потребностей. Он не определяет, не решает свои действия; скорее, в конструкции субъекта Рупперта существуют рамочные условия и порядки, которые четко определяют действия индивида. Душа» — это рычаг, с помощью которого правила и порядки закрепляются в субъекте. Душа «движет тем, что она получает в рамках порядка» (там же, с. 62). В основном Рупперт стремится доказать, что индивиды обязаны принимать тот порядок, в котором они рождаются, поскольку любой отход от этого порядка ведет к «путанице»: «Даже то, чего нет и что проживается, должно быть мысленно освоено и принято, как индивидуальная судьба. В этом смысле иметь детей так же судьбоносно, как и не иметь своих. Тот, кто принимает свою судьбу такой, какая она есть, и не оценивает ее как лучшую или худшую по сравнению с другой судьбой, свободен реализовать свою собственную жизнь* (там же, с. 186).

Пропагандируя необходимость согласия с соответствующими установками Рупперта, объясняющих жизнь и страдания людей, Рупперт внушает людям то, что их душа повреждена, в связи с чем они добровольно подчиняют себя его правилам, какими бы несправедливыми и бесчеловечными они ни были. То, что его теоретическая позиция, в т.ч., оказывает влияние на восприятие немецкого фашизма - которому Рупперт уделяет особое внимание, - будет показано ниже.

Экскурс: Издевательства над жертвами и оправдание преступников

В своей книге Рупперт посвящает более 30 страниц Адольфу Гитлеру и объяснению его персональной судьбы. Эта психологизация и индивидуализация немецкого фашизма сопровождается тривиальными и оправдательными фразами о нацистской эпохе. Например, Рупперт бесцеремонно включает в число тех, кого сбил с толку «бесчеловечный режим Гитлера и его пособников» (ibid., p. 252),

«семьи преступников и жертв, в которых мы можем увидеть последствия ужасного прошлого в симптомах растерянности тех, кто родился позже» (там же).

В структуре системы Хеллингера принадлежность к религиозной общине не может быть отвергнута индивидами. Если же они все же пытаются это сделать, то это приводит к патологическим последствиям. В семейной расстановке Хеллингера одна еврейка рассказала, что она происходит из семьи, члены которой выжили благодаря тому, что были крещены как христиане. Хеллингер рассматривает это как значимое условие, благодаря которому выжили отец, бабушки и дедушки женщины и говорит, что в данном случае имеет место органический выход из еврейской коллективной судьбы: «Бабушка, дедушка и отец крестились, затем стали прилежными христианами и таким образом вышли из коллективной судьбы. Это имеет плохие последствия» (Hellinger, 2001, p. 238). Рупперт также ссылается на это положение Хеллингера. Он сообщает, что «евреи иногда отрицают свою веру и свое происхождение» (2002, с. 254), и это заставляет их детей «чувствовать разрыв с собственным происхождением» (там же) и, следовательно, становиться психически больными.

То, что делают Хеллингер и Рупперт в своих комментариях о немецком фашизме и в своем изображении еврейских жертв, выглядит цинично. Католический теолог Норберт Рекк, автор проекта «Теология после Освенцима» (1998), настаивает на том, что нельзя допускать, чтобы все рассказы о выживших жертвах Холокоста «выражались субъективным восприятием» (ibid, p. 127): «Важно помнить, что христианские богословы, которые несут ответственность за наследие преступлений, не могут воспринимать высказывания жертв как собственные» (там же). Однако Рекк также критикует псевдонаучный подход к нарративам жертв: «Анализ свидетельств с лингвистической, психологической или теологической точки зрения в которых содержатся выводы и интерпретации, не имеющие отношения к тому, что свидетели на самом деле хотели сказать, нужно воспринимать как злоупотребление и спекуляцию» (ibid., p.131). Рупперт безжалостно эксплуатирует трагический опыт евреев, ставя их в один ряд с нацистскими преступниками, чтобы поддержать свою теорию семейной травматизации и системы правил, отказ от которых приводит к психическим заболеваниям.

Объективизация и функционализация опыта жертв, построенная исходя из собственной теории и, соответственно, его некорректное использование приводит к постоянному оправданию немецких преступников. Когда Рупперт рассуждает о немецком фашизме, он почти всегда пишет о «Второй мировой войне» (2002, с. 252) или о «военных ситуациях» (там же, с. 172). Это позволяет предположить, что на следующем этапе он делает особый акцент на солдатах и их страданиях: «Последствия войны — это самые тяжелые последствия травмы. Даже группа победителей в войне заплатила ужасающую цену с точки зрения физического, психологического и экономического ущерба» (там же). Рупперт не только использует категорию страданий и психологических травм, чтобы поставить действия жертвы и преступника на один уровень. Более того, его тематизация войны «забывает» о тех, кто даже не воевал с немецким рейхом: о евреях. Рупперт просто игнорирует то, что они пережили, что вряд ли можно изложить связным языком, потому что сами

переживания не имеют связности. Это «забвение» опыта выживших сродни с утверждением, что немецкие преступники пережили худшее, чем евреи: самые тяжелые последствия травмы.

Заключение

Рупперт утверждает, что его работа развивает «точную теорию о развитии бреда преследования, мании и бредовой депрессии» (там же, с. 16) и что «на основе этой теории возможно целенаправленное терапевтическое воздействие» (там же, с. 466). Однако больше всего читателя поражает то, что «неразгаданная загадка» (там же, с. 15), «сложная загадка» (там же, с. 465), которую Рупперт называет «безумием», имеет «простое решение» (там же, с. 466): «Как бы ни были драматичны проявления психозов, как бы ни мучили они страдающих и ни тяготили их близких, я убежден, что объяснение причин и терапия достаточно просты» (там же).

Банальность и простота трактовок Рупперта объясняется не объективно, а является конструкцией созданной им реальности, которая не признает ни противоречий, ни сложных проблем: Рупперт упрощает социально-индивидуальные отношения и связывает свои «теоретические» выводы с духовными, кажущимися «высшими принципами» (там же, с. 37), с чем-то «гораздо большим», чем человек (там же), с «энергиями и силами... которые связывают человека с миром» (там же, с. 45-46), с «душой... как супраиндивидуальное измерение» (61) и с «высшей душой», постулированной Хеллингером (там же, с. 447). Более двадцати раз он воздает должное Берту Хеллингеру как идеальному образцу для подражания и первооткрывателю его собственных тезисов. Самопрезентация Рупперта как первооткрывателя грандиозных идей (которые, хотя и банальны, но не приходили в голову другим), эзотерические и потусторонние ориентиры его теории, его склонность превозносить Хеллингера и его семейные расстановки видят своим главным врагом человека с критическим мышлением. Последний осуждается как тот, кто «закрывает глаза и уши от реальности, которая проявляется здесь [в ситуации расстановки], и те, кто отказываются от терапевтического использования и участив в расстановках» (ibid., p. 290). В замкнутой системе Рупперта возможность негативного опыта с расстановками даже не существует. Идея о том, что качество семейных расстановок Рупперта и Хеллингера обусловлено исключительно позитивными реакциями участников, конечно же, несостоятельна с научной точки зрения.

Психологическая теория Рупперта и его метод воспринимают человека, критикующего ее, как безумца, несмотря на то, что его теория со всей очевидностью является разновидностью тоталитарной психологии, содержащей большое число заблуждений: Собственное простое осознание называется истиной ("Признание истины лечит заблуждение!» (ibid., p. 466)); она основана на опыте автора, который, по его мнению, нельзя подвергать сомнению, поскольку является субъективным переживанием. Однако метод семейных расстановок Хеллингера и Рупперта дает именно то, что Рупперт превозносит как истину: Семейные расстановки предлагают участникам определенные способы восприятия, мышления и чувствования через саму обстановку расстановки, и таким образом создают артефакты, которые субъективно переживаются как решение самой

расстановленной семейной системы. Однако любого, кто указывает на то, что снижение интенсивности переживаний и формирование новых способов мышления в большей степени связано с театральностью расстановки, чем с рефлексивной и психологически напряженной конфронтацией со своим прошлым, обвиняют в дискредитации опыта многочисленных участников, которым уже была оказана помощь. Подобно методам саентологической церкви, последователи Хеллингера все чаще пытаются запугать и заставить замолчать своих критиков, используя юридические средства (судебные запреты, угрозы уголовного преследования и т. д.). В стиле «преследуемых гонителей» они выставляют себя жертвами нападок. Например, вышеупомянутый Франц Рупперт подал в суд не только на студентов-членов ASTA в Мюнхене, но и на критически настроенный интернет-журнал, и на меня как на критически настроенного коллегу по университету. С помощью чудовищных судебных издержек, которые вынуждены оплачивать зачастую молодые и финансово слабые противники идеи Хеллингера, предпринимаются попытки лишить их средств к существованию.

Это свидетельствует о том, что «секта» Хеллингера не желает иметь дело с научной критикой своих теоретических основ и их практического применения, а скорее хочет заставить критиков замолчать.

Другой скандал заключается в том, что Рупперт не уклоняется от попыток объяснить исторически сложные отношения с помощью своей модели семейных уз. Например, он изображает Адольфа Гитлера как человека, чья «человеческая душа была сломана» и который был «эмоционально полностью нарушенным аутсайдером и эксцентриком» из-за своей семейной истории. На одном из своих семинаров в Католическом базовом колледже Рупперт рассматривал «чувства» Гитлера и утверждал в своих лекциях, что мы должны «принять Гитлера, чтобы освободиться от него». Как подобное психологизирующее и патологизирующее объяснение сложного исторического явления, так и пропаганда реакционных фиксаций правил в качестве основы здоровых связей между людьми показывают, что Рупперт заботится прежде всего не о чем-то одном: Понимание людей, у которых есть проблемы в жизни и с жизнью в этом обществе.

Литература

1. Ahrens, H.J. (2002). Wissenschaftliche Erklärung In Lexikon der Psychologie Bd.5 (S.10/11). Heidel-berg: Spektrum,
2. Hellinger, B. (2001). Der Abschied. Nachkommen von Tätern und Opfern stellen ihre Familien. Heidel-berg: Carl Auer.
3. LdP = Lexikon der Psychologie (2001). Bd.3, S.57, Stichwort „Messen. Heidelberg: Spektrum.
4. Loch, W. (1999). Die Krankheitslehre der Psychoana-lyse. Allgemeine und spezielle psychoanalytische Theorie der Neurosen, Psychosen und psychosomatischen Erkrankungen bei Erwachsenen, Kindern und Jugendlichen. Leipzig: S. Hirzel.
5. Markard, M (1999). Selbsterfahrung, Selbstreflexion und Selbstbeobachtung als Aspekte des subjektiven Weltzugangs in der Kritischen Psychologie Forum Kritische Psychologie, 41, 5-11

6. Pfefferer -Wolf, H. (1999). Der sozialpsychiatrische Ha-bitus. Umrisse einer Theorie der Sozialen Psychiat-rie. Frankfurt/Main: Campus.
7. Reck, N.(1998). Im Angesicht der Zeugen. Eine Theologie nach Auschwitz. Mainz: Mathias-Grünewald Verlag.
8. Ruppert, F. (2002). Verwirrte Seelen. Der verborgene Sinn von Psychosen. Grundzüge einer systemi-schen Traumatologie. München: Kösel.
9. Systemische Gesellschaft (2002). Stellungnahme zur Aufstellungsarbeit nach Bert Hellinger. [Online] www.paar-therapeut.de/wp-content/uploads/2012/07/ stellunghellinger.pdf [17.12.2012].
10. Thom, A. & Wulff, E. (1990). Psychiatrie im Wandel. Erfahrungen und Perspektiven in Ost und West. Bonn: Psychiatrie Verlag.
11. Wulff, E. (2003). Wahnsinnslogik. Von der Verstehbar-keit schizophrener Erfahrung. Hamburg:Argument.
12. Wygotski, L. (1987). Ausgewählte Schriften, Bd.2.Arbeiten zur psychischen Entwicklung der Persön-lichkeit. Köln: Pahl-Rugenstein.

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Вебер К. Академический экскурс в идеологию расстановок. Приказы души как выражение тоталитарной психологии. 2025. Т. 2. № 1. С. 17–29, DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-17-29

Klaus Weber

AN ACADEMIC DIGRESSION INTO THE IDEOLOGY OF CONSTELLATIONS. SOUL ORDERS AS AN EXPRESSION OF TOTALITARIAN PSYCHOLOGY

Celine Maroudas - Private Clinic and Department of Counseling and Human Development, University of Haifa, Haifa, Israel: ORCID: 0009-0008-2055-1068 Email: celinems@live.com

Abstract

Franz Ruppert, a Munich professor of psychology, combines the analysis of psychological problems and diseases with a variant of Hellinger's family constellations. He proceeds from a model that, through experiences in constellations and its subjective interpretation, should give the "sick" person information about the cause of his suffering. Klaus Weber's research shows that this model is neither scientifically sound nor justified from the point of view of human dignity. On the contrary, people's problems turn into immutable truths, the clarification of which is possible, according to Ruppert, only if the interpretation is accepted in accordance with his method of arrangement. The totalitarian aspect of this type of psychology is analyzed.

Keywords: Hellinger family arrangements, trauma, psychiatric criticism, psychotraumatology, soul, family soul.

For citing: Weber K. An academic digression into the ideology of constellations orders of the soul as an expression of totalitarian psychology // Hypnosis and psychoanalysis in clinical and experimental psychology. 2025; (1): 17–29, DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-17-29

УДК 159.96 DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-30-55

Селин Марудас

НО ЭТО ПРОТИВ ПРАВИЛ!! СТРУКТУРИРОВАННЫЕ СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ КАК УПУЩЕННЫЙ РЕСУРС ДЕТСКОЙ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Перевод статьи, опубликованной в «The International Journal of Psychoanalysis» (ноябрь, 2024)

Celine Maroudas (28 Nov 2024): But it's against the rules!! Structured competitive games as a neglected resource in child psychodynamic psychotherapy, The International Journal of Psychoanalysis, DOI: 10.1080/00207578.2024.2370457

Переводчик: М.В. Винокур - психоаналитик, член Ассоциации психоаналитиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза», член Общества Итегративного Психоанализа.

Научный редактор: А.В. Савченков – психоаналитик, доцент АГИП, президент Ассоциации психоаналитиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза». Главный редактор сетевого издания «Гипноз и психоанализ в клинической и экспериментальной психологии»

Аннотация

Структурированные соревновательные игры, такие как «Монополия», шахматы или футбол, традиционно считаются неподходящими для глубокой психодинамически ориентированной работы в психоаналитической психотерапии подростков. В то же время, некоторые современные авторы отмечают, что именно в процессе структурированных игр детей подросткового возраста на первый план выходят спонтанность и сильные эмоции. Эти авторы предполагают, что такие игры представляют собой потенциально мощный терапевтический инструмент для налаживания общения с ребенком старшего возраста и доступа к его внутреннему миру. В этой статье приводятся клинические и теоретические аргументы, а также клинические примеры в поддержку этой точки зрения, обсуждаются и анализируются различные формы игр, встречающихся в аналитической игровой комнате. В статье также рассматривается, как правила и частично предопределенное содержание этих игр действуют в качестве фреймовой структуры, в которой аналитическая работа может происходить безопасно и спонтанно, и как модель контейнера может быть с пользой применена к игре в детской терапевтической комнате. Особое внимание уделяется терапевтической роли гибкого и тщательно выверенного подхода к правилам и структуре игры, а также попыткам обмана со стороны ребенка.

Ключевые слова: детская психоаналитическая психотерапия, настольные игры

Структурированные соревновательные игры, такие как «Монополия», «УНО» или футбол, традиционно считаются неподходящими для глубокой психодинамически ориентированной работы в психоаналитической психотерапии подростков. Винникотт, например, рассматривал структурированные игры «и их

Селин Марудас – психолог-психоаналитик частной практики и департамента консультирования и развития человеческого потенциала университета г. Хайфы, Хайфа, Израиль. ORCID: 0009-0008-2055-1068 Email: celinems@live.com

организацию ... как часть попытки предупредить пугающий аспект игры» (Винникотт 1971, 50). По мнению Солнита, такие традиционные игры подросткового возраста чаще всего служат для «отпугивания, маскировки или сокрытия фантазий ... [и] служат для защиты от поведенческой драматизации игры» (Солнит 1987, 215). Утверждения на этот счет можно найти даже в недавно опубликованных психоаналитических текстах: «[Пациент-ребенок] часто просто и резко прекращал игру и отступал в структурированные карточные игры» (Скотт 1998, 96); и «Если игрушки слишком структурированы или провокационны, это не позволяет легко развивать фантазии ребенка» (Блейк 2011, 197).

Вопреки подобным взглядам, все большее число современных авторов предполагают, что дети старшего школьного возраста часто предпочитают именно эти игры, позволяющие исследовать, выражать и прорабатывать боль и эмоциональные потрясения своей психики, как в обычной жизни, так и в психотерапевтической обстановке (Bellinson 2002, 2013; Caruth 1988; Krimendahl 2000; Maroudas, Wiseman и Harel 2023; Meeks 1970, 2000; Oren 2008). Эти авторы указывают, что именно в процессе участия подростков в структурированных соревновательных играх спонтанность, либидо, агрессия и даже ярость и зависть выходят на первый план. Дети это интуитивно чувствуют, а родители и педагоги это интуитивно усваивают, наблюдая за участием подростков в дружеских и менее дружеских играх дома, на школьной игровой площадке или в местном парке. Истерики, слезы, драки, тревоги, привязанности, узы любви и ненависти — все это часто разыгрывается на игровой площадке подростков болезненно и даже жестоко. Некоторые из этих авторов, в частности Кэрут (1988), предполагают, что терапевтическая сила соревновательных детских игр заключается в присущей им форме взаимодействия, которая облегчает появление в переносе агрессивного и либидинозного содержания, а также фантазий из внутреннего мира ребенка. Кэрут также выдвигает гипотезу о том, что терапевты могут избегать играть в эти игры с детьми именно из-за интенсивных инфантильных эмоций, которые они вызывают: «[Точно так же, как игры могут пугать аспектами игрового взаимодействия, а именно, бессознательной инфантильной фантазийной жизнью [Solnit 1993; Winnicott 1971], так и ролевая игра, будь то в психотерапевтической обстановке или за ее пределами, часто служит для отгораживания от пугающих аспектов процесса игры, а именно, сознательного опыта переноса [и особенно контрпереноса]» (Caruth 1988, стр. 186).

Именно сама форма игры в привычные настольные игры, игры с мячом и карточные игры и их использование в психоаналитически ориентированной детской психотерапии являются темой данной статьи. Для краткости, начиная с этого момента и далее по всей статье, я буду использовать термин «игра», чтобы отличать эти формы «структурированной» соревновательной детской игры от ролевой игры с куклами и мелкими предметами, более распространенной в играх детей младшего возраста.

Подростковый возраст как особая и критическая стадия развития, характеризующаяся изменчивостью и хрупкостью. Психотерапевтические инструменты и методы

В наше время подростковый период понимается как время важных когнитивных, физических и психосоциальных достижений, но также и время уязвимости и эмоциональной хрупкости, далекое от периода покоя, «латентности» или даже застоя в развитии, описанного Фрейдом (Альварес, 1989; Найт, 2014; Марудас, Уайзман и Харель, 2023; Шапиро и Перри, 1976). Мои коллеги и я утверждали в своей статье в «Журнале о детской психотерапии», что адаптация методики и клинической теории к потребностям развития и эмоциональным потребностям этой возрастной группы имеет решающее значение, особенно с учетом недавнего резкого роста числа направлений школьников в клиники психического здоровья по всему миру (H. Green и др. 2005; Samji и др.. 2022; Smith et al. 2018) и относительно высокого уровня отказа от лечения, особенно среди мальчиков (Deakin, Gastaud, and Nunes 2012). Как отмечали многие детские психоаналитики и специалисты по развитию детей в прошлом (А. Фрейд, 1963; Плаут, 1979; Винникотт, 1989), именно настольные игры, карточные игры и игры с мячом, а не воображаемые игры с куклами, машинками и игрушечными животными, составляют естественную арену игры для детей «латентного возраста». Структурированные игры ограничены во времени и месте, а также ограничены правилами и предопределенным содержанием, но сам ход игры всегда непредсказуем. Эти игры, часто бросающие вызов интеллекту и физическим способностям, сильно эмоционально заряжены и отражают сложность и парадоксальную природу самого подросткового периода. В данной статье предлагается отстаивать «равное, но иное» место структурированных игр в психоаналитической игровой комнате наряду с более традиционным детским психоаналитическим «инструментарием» из маленьких игрушек, кукол, песочниц и творческих материалов. Я предлагаю три центральных вопроса клинической теории и техники, которые возникают в этом контексте:

(1) Можно ли считать структурированную игру (настольные игры, игры с мячом и карточные игры) действительной психоаналитической техникой, учитывая предопределенные правила, структуру и содержание этих игр?

(2) Можно ли считать структурированную игру формой творческой игры Милнера/Винникотти? И если да, то когда и как ребенок может использовать игру как переходное пространство, в котором могут происходить мечтание, творчество и психический рост?

(3) Помимо специфики игры в переходном пространстве: когда, как и в каких формах ребенок использует игру для обслуживания интрапсихической и интерпсихической коммуникации в игровой комнате?

Именно эти фундаментальные вопросы, касающиеся игры как психоаналитической игровой техники, являются предметом обсуждения этой статьи, наряду с четырьмя краткими клиническими иллюстрациями игры в психоаналитической детской психотерапии.

Игра: альтернативная королевская дорога к детской психике

Дети школьного возраста являются вербальными существами только внешне: их речь часто поверхностна, навязчива, односложна и монотонна, представляет собой несколько неестественную имитацию вербального общения взрослых. В следствии этого, игра становится логичным местом для поиска доступности бессознательного в подростковом возрасте. Аналитическая игровая техника Кляйн (Klein 1955) и психоаналитическое использование фон Хуг-Хельмут (1921) и Анной Фрейд детских рисунков как воображаемых историй и фантазий (A. Freud 1946) были разработаны как адаптация аналитических техник Фрейда к потребностям и возможностям маленьких детей, как методы «понимания ума [ребенка] пациента и передачи ему того, что в нем происходит» (Klein 1975, 129). «Простота» детской игры как полезного терапевтического инструмента для доступа к бессознательному ребенка и общению с ним по-прежнему является центральным для психоаналитической практики и сегодня, в том числе и в подростковом возрасте. Для детей старшего школьного возраста, которые могут легко и спонтанно использовать куклы и машинки для воображаемой проективной игры, которые свободно разговаривают и рисуют, классическая детская психоаналитическая теория и техника обычно достаточно хорошо работает. В случае затруднений ребенка в подобной деятельности, доступ к его бессознательному и общение с ним является более сложной задачей. Многие дети, особенно мальчики в возрасте 9 лет и старше, часто наотрез отказываются участвовать в любой форме ролевой игры, даже с игрушечными солдатиками и игрушечными машинками, или рисовать или рисовать вообще, внутри или за пределами терапевтической комнаты. Также есть большое количество детей этой возрастной группы, чья, казалось бы, свободная ролевая игра или рисование на самом деле такие же монотонные, односложные и укорененные в их ложном «я», как и их вербальные коммуникации. Такие трудности аналитического лечения в подростковом возрасте были хорошо документированы, особенно для более дезорганизованных, дорепрезентативных и нарушенных детей (Alvarez 2012; Bellinson 2002; Ferro 2003; Molinari 2017b; Slade 1994). Я считаю, что именно для этих детей или в этих клинических ситуациях структурированная игра выступает, не только как полезный, но и как существенный дополнительный терапевтический инструмент. Это происходит потому, что игра является естественным языком общения, свойственным этой возрастной группе, который повсеместно встречается на школьных игровых площадках, в садах и на улицах по всему миру.

Сам Фрейд ссылался на «игру» психоанализа и связанные с ней «правила игры», рекомендуемые для обеспечения эффективности лечения (З. Фрейд, 1913). Именно безопасность, обеспечиваемая этими правилами и структурой, наделяет как пациента, так и аналитика уверенностью, свободой и смелостью, предавая большую свободу бессознательному и возможности общаться с ним более аутентично – с «искренностью», как говорил Фрейд (З. Фрейд, 1905). В свете этого, аргумент о том, что сама структура и правила игр подросткового возраста почти всегда используются ребенком в целях защиты при психотерапевтическом лечении и являются препятствием для психоаналитической работы как таковой, становится несколько противоречивым. На самом деле, я бы предположила, что часто может быть наоборот, и, подобно правилам и обстановке самого психоанализа, эти

структурированные аспекты игры часто могут служить «рамочным разрывом» (Milner 1952b) или «рамочной структурой» (A. Green 1999) как для ребенка-пациента, так и для терапевта, в которых аналитическая работа может проходить безопасно и спонтанно. Я подробнее остановлюсь на этом моменте как на теоретическом, так и на клиническом уровне далее.

Мой многолетний клинический опыт в качестве практикующего детского психоаналитического психотерапевта и клинического супервизора показывает, что пространство для образного и проективного использования многих настольных игр, игр с мячом и карточных игр шире и глубже, чем кажется на первый взгляд. Какая игра выбрана: шахматы как символическое убийство родителей или «Монополия», символизирующая жадность и зависть; какой персонаж в игре принят: собака или цилиндр в «Монополии», вор или гадалка в «Талисмане»; смысл, который ребенок наделяет игру, — все это имеет терапевтическое значение и может быть интерпретировано. Кроме того, следует обратить внимание также на грубые и сильные эмоциональные реакции на соревнование и соперничество, проигрыш и победу, обман и игру по правилам, почти неизбежно вызываемые у ребенка этими играми, названные Бионом эмоциональной турбулентностью (Бион 1976). Эти аспекты не составляют содержания в «чистом» символическом смысле, но они представляют собой доступные аспекты бессознательного ребенка, перенесенные в игру и разыгрываемые на полу психоаналитической игровой комнаты, легко доступные для рефлексии ребенку и интерпретации на неявном уровне, через игру, или на явном вербальном объяснительном уровне, как это будет сочтено терапевтически целесообразным лечении.

Присущая игровому процессу эмоциональная турбулентность приобретает дополнительное значение в контексте недавнего смещения фокуса, наблюдаемого во многих психоаналитических школах, от интерпретации содержания и наблюдательной интерпретационной позиции к более интерактивной практической роли пациента и акценту на расширении возможностей им играть и творить, думать и переживать (Bion 1967; Bromberg 1998, 1998; Coltart 1993, 1999; Ferro 2018; Grotstein 2010; Milner 1987; Molinari 2018; Ogden 2008; Winnicott 1971). На мой взгляд, современный подход детской психоаналитической психотерапии как взаимоотношения двух личностей (Alvarez 2012; Blake 2011; Cohen 1995; Ferro 2003; Ferro and Nicoli 2017; Molinari 2017a; Ogden 2008, 2019; Slade 1994), подчеркивающий бессознательную динамику в противовес бессознательному содержанию, особенно актуален для игр в кабинете психоаналитической психотерапии, как будет подробно рассмотрено в двух разделах ниже, озаглавленных соответственно «В болезни и здравии — 50 оттенков структурированной игры» и «Контрперенос, проективная идентификация и игра как контейнер-контейнер». Для начала рассмотрим вопрос использования игр в детской психоаналитической психотерапии для расширения способности к творчеству, игривости и живости в милнеровском и винникоттовском смысле этих терминов, а затем перейдем к углубленному обсуждению техники и интерпретации в психоаналитической игре на уровне матрицы переноса-контрпереноса.

Игра как милнеровское творчество и винникоттовская игра

Работа Мэрион Милнер и ее ключевые концепции «рамки», «ревери» и «рассеянности» (Milner 1987) особенно поучительны при рассмотрении вопросов креативности, игривости, живого опыта и психического роста в игре внутри и за пределами психоаналитической игровой комнаты. Опередив свое время, Милнер поняла, каким образом появляется пространство для интуиции и создания нового и удивительного, часто из глубин бессознательного (Milner 1942, 1957a, 1987), когда потребность в знании и уверенности откладывается (как выразился Китс, когда ссылался на «негативную способность» (Keats 1925)). По Милнер, истинное творчество обязательно включает в себя процесс воссоздания, переживания внешнего мира изнутри и воссоздания его заново как живого опыта (Колдуэлл 2000; Милнер 1987; Рааб 2000; Спелман и Рафаэль-Лефф 2022; Стефана 2019). Решающее значение для этого процесса имеет мягкая регрессия от двойственности (разделение между мной и не-мной, внутри и снаружи, собой и другим) к иллюзии единства с внешним миром. Эта мягкая регрессия к слиянию внешней и внутренней реальности позволяет художнику, как и играющему ребенку, заново воссоздавать внешний мир, сформированный собственным внутренним опытом, без изменений и подавления. Опыт является образным и творческим, но не психотическим: различие между внутренним и внешним миром одновременно и поддерживается, и размывается, составляя парадокс, лежащий в основе творчества (Milner 1987) и игры Винникотта (Winnicott 1971).

Ключом к такому воссозданию является то, что Милнер игриво назвала «рассеянностью» (буквально «отсутствием ума», позволяющему «ненаправленному мышлению» выйти из внутреннего мира) или «ревери», при котором происходит «наполнение не-я объектного материала я-субъективным психическим содержанием, [которое] делает не-я реальным, «осуществимым»» (Milner 1957b, 228), и воссоздает внешнюю реальность заново (см. также Milner 1952b, 1957a). Винникотт (1971) пишет об игре как о «не имеющем цели» «расслаблении», открытости бессмыслице и бесформенности, в которой «внешние явления» игры, внешние объекты, обнаруженные в реальности, наполняются красками и фантазиями внутреннего мира. Для обоих игроков движение игры и творчества одновременно направлено наружу и внутрь, тем самым создавая психическое пространство (A. Green 1997, 2005; Lenormand 2018), и именно в этом пространстве игры индивид также обнаруживает себя как другого, как не-я.

По мнению Милнер, принципиально важно, что разрыв, в котором происходит творчество, всегда является «рамочным разрывом»: не может быть пустого ментального пространства, «ревери», переходного пространства, без рамки (Milner 1952b, 1957a, 1987). Благодаря собственной борьбе с тревогами, предвосхищавшими и мешавшими ее творчеству, Милнер пришла к пониманию, что сосредоточенность и рассеянность должны идти рука об руку, что сеттинг «как физический, так и ментальный» является предпосылкой для «рассеянности» и, следовательно, для воссоздания. Предвосхищая А. Грина (1999), Милнер понимала, что эта «рамка», способствующая творчеству и «ревери», берет свое начало в базовой безопасности и мягкой поддержке, а препятствия к

творчеству «являются результатом неспособности среды обеспечить ребенку необходимые условия для такой «рассеянности» (Милнер 1957b, 231).

Используя идеи Милнер в отношении подростковых структурированных игр, я предполагаю, что правила игры, игровой набор, сама коробка и игровая доска могут рассматриваться как «рамка», обеспечивающая появление рассеянности и творческого процесса. Используя терминологию Грина, структура соревновательных игр подросткового возраста действует как психически важная замена рамочной структуры (А. Грин 1999) родительской поддержки, которое еще не была надежно интернализирована. Развивая эту мысль, я считаю, что именно прочность и ясность структуры таких игр парадоксальным образом позволяет подростку, психика которого еще находится в процессе становления и демонстрирует хрупкость, отпустить и позволить неопределенности и случайности войти в его психический опыт, а также проявиться игривости и творчеству. На первый взгляд, правила и предопределенное содержание структурированных игр могут быть расценены как исключающие милнеровский элемент восприятия и создания чего-то нового как игровой смеси я и не-я. Но несколько мгновений созерцания традиционных структурированных игр, от футбола до UNO, войны и игры в бабки, от игр со скакалкой до монополии и шахмат, помогут открыть в них элементы творчества. Красота нового футбольного трюка, исполненного восьмилетним энтузиастом или великим футболистом; бесконечные вариации в играх с бабками и скакалкой; неожиданные ходы в шахматной игре: все это включает восприятие и создание чего-то неожиданного и нового. Очевидно, как подчеркивали Милнер и Винникотт, это воссоздание и живость основаны на том, что ребенок находясь в здоровом, достаточно безопасном состоянии, освобождает свой разум и позволяет своему внутреннему я встретиться с не-я, слиться с ним и воссоздать заново. Каждый раз, когда ребенок делает ход, он заново выбирает как играть, создает своё воображаемое состояние на доске «Монополии» или непобедимую армию на шахматной доске, он становится бесстрашным великаном или хитрым вором на доске «Талисмана» или недавно обнаруженным Лайонелем Месси на крошечном импровизированном 6-метровом ковре-футбольном поле в игровой комнате для психотерапии.

Я, конечно, не имею в виду, что все игры в Монополию, футбол, шахматы или UNO являются актами живого творения, но они могут быть таковыми, в зависимости от игрока-создателя. Такая игра не меньше, чем ролевая игра, опирается на способность противостоять неопределенностям и сомнениям. Игрок не знает, какая карта ему достанется, какое число выпадет на костях, куда противник ударит по мячу или даже попадет ли мяч туда, куда он наметил. Способность терпеть незнание, негативная по природе способность, действительно нетривиальна, и многие сеансы детской психотерапии тратятся на то, чтобы помочь ребенку постепенно позволить случаю, сомнению и неопределенности, а значит, и творческой живой игре, проникнуть в пространство между ним и терапевтом — между всемогущим желанием ребенка получить двойную шестерку и числами, которые в реальности появляются на игральных костях, между целью его мечты и реальным броском, который он производит, между тузом, которого он так отчаянно хотел, и семеркой, которую ему сдали из колоды.

Игра является естественной областью переходного пространства подросткового периода, как бы ограниченно или хрупко это ни было для некоторых детей. Сознательная и бессознательна манипуляция терапевта и пациента в игровой комнате психотерапии Винникотовских «внешних явлений» (будь то слова/куклы и игровые материалы/пешки на доске/шары в воздухе) вносит в переходное пространство неожиданные элементы, которые, в свою очередь, предоставляют возможности для возникновения нового и сложного опыта себя и себя-другого. Центральным моментом этого процесса является гибкость терапевта по отношению к правилам игры и «выстраивание» (Alvarez 2010, 2012) игрового процесса в соответствии с состоянием психики ребенка. В этом отношении игра, как и ролевая игра в психоаналитической игровой комнате, отличается от игр, в которые ребенок может играть со своими сверстниками или родителями дома, в школе или в местном парке, по форме и значению. С помощью достаточно хорошей, гибкой манипуляции правилами и шагами игры терапевт может регулировать темп, область совпадения, бросая вызов и фрустрируя ребенка столько, сколько нужно: не слишком много и не слишком мало. Область игры растет и расширяется, позволяя возникнуть спонтанности, здоровой жадности и разрушению или ограничиваясь по мере необходимости в нужное время и в нужном месте.

Перейдем к краткому клиническому примеру, иллюстрирующему изложенные клинические теоретические рассуждения.

Клинический пример: Клэр — идеальная пациентка, ставшая мошенницей

Клэр была очень одаренной и умной десятилетней девочкой, направленной на психотерапию из-за симптомов депрессии и мыслей о самоубийстве. Рано повзрослевшая и красноречивая, Клэр сеанс за сеансом рассказывала о своих переживаниях и неприятностях. Особенно её волновали проблемы во взаимоотношениях с ее родителями, находящимися в разводе, и их новыми партнерами. Сеансы были безжизненными и неестественными. Однажды, она взяла несколько цветных карандашей и листков бумаги и начала рисовать, и мы вместе написали несколько историй о том, что она нарисовала. Я была воодушевлена, но только на мгновение. Ее талант был очевиден, но она рисовала идеальных девушек, прекрасные цветы, фей и идиллические пейзажи, а ее рассказы были неестественными и предсказуемыми. Ее «ложное я» (Винникотт, 1971) тиранически подавляло сеансы. В конце концов, я решила, несколько нелогично, настоять на игре в карты, простой и «легкомысленной». Сначала она презирала мое предложение, считая его ребячеством, но потом приняла вызов, и я получила больше, чем рассчитывал.

Клэр решила, что если мы собираемся играть в карты, то это должна быть игра в войну. Мое сердце упало. Я должен признать, что из всех карточных игр, которые я знаю, война — одна из немногих игр, которых я стараюсь избегать: обычно я нахожу эту игру невыразимо утомительной. Но то, что произошло, удивило нас обоих. Я раздала карты поровну и, к моему и Клэр разочарованию, я начала выигрывать безоговорочно, поскольку в моей колоде появлялись туз за тузом и королевская особа за королевской. Клэр нашла это

невыносимым и, поощряемая мной, начала жульничать, выбирая перед своим ходом карты высокого достоинства, чтобы перебить мои, и выбирая самые мелкие карты, чтобы отдать мне, когда я выигрывал раунд. Она даже прибегла к открытому воровству моих тузов и джокеров. Я ответила игривым сопротивлением и жаловалась, что она играет нечестно, одновременно присоединяясь к ее ликованию по поводу ее собственного непослушания и детского навязчивого желания выиграть. Впервые за многие месяцы терапии, когда мы наконец играли спонтанно, ее нуждающееся и здоровое, жадное и эгоистичное «истинное я» проявилось, и ее скрытое стремление к инфантильному всемогуществу вышло на первый план. «Я никогда раньше так не играла, ты уверена, что это разрешено?! Не говори никому!»

Как это ни парадоксально, Клэр ожила и стала творчески игривой в милнеровско-винникоттовском смысле только тогда, когда она согласилась покинуть псевдотворческий мир своих собственных рисунков и историй и войти в ограниченный правилами мир структурированных игр. Клэр, как выразилась Кляйн, казалось, инстинктивно знала, что она может использовать меня и терапию другим, особым образом, чтобы «преодолеть [ее] сопротивление переживанию и выражению мыслей, чувств и желаний, которые несовместимы с условностями» (Кляйн 1955, 125). По мере того, как мы перешли от войны к полномасштабным играм, Клэр все меньше и меньше говорила о домашней жизни и становилась более спонтанно игривой, и терапевтическое пространство начало расширяться. Клэр закончила терапию, когда почувствовала, что достигла своей терапевтической цели, определенной ее собственными словами: ««Я больше не ботаник!»

Когда Клэр сидела в кресле, разговаривала и плакала, рисовала и рассказывала истории, она действительно была очень похожа на зануду и эмоционально закрыта. Если использовать более психодинамические термины, ее ложное «я» и строгое суперэго доминировали. Когда мы вместе играли в карточные игры, ограничения и границы, налагаемые не суперэго Клэр, а структурой фрейминга, воплощенной самими картами и правилами игры, позволяли Клэр выражать свое инфантильное, жадное, спонтанное, непослушное «я» и работать через чувства и потребности, которые она аккуратно и старательно скрывала за миром псевдотворчества, псевдозрелости и школьных достижений.

В болезни и здравии – 50 оттенков игры

Игра принимает множество форм: псевдоигра, игра, пронизанная влечением, разрушительная игра, бессмысленная игра, игра, нагруженная тревогой (Alvarez 2012; Gavshon 1989; A. Green 1997; Klein 1927a, 1927b; Lenormand 2018; Milner 1952a, 1987; Slade 1994; Solnit 1993, 1997). Я считаю, что это справедливо не только для ролевых игр, но и для игр структурированных. Возьмем, к примеру, игру в дартс: ребенок может бросить дротик красивым движением, что по Альваресу (Alvarez, 1989) предполагает выражение эстетики депрессивной позиции, найденной в детской любви к спорту; он может бросить дротик в центр мишени как сублимацию своих сексуальных импульсов и агрессивных побуждений; он также может

стать подавляющим и угрожающим, и игра может стать извращенной: дротик направлен на стены терапевтического кабинета или на самого терапевта; игра также может быть механической, мертвой, без радости, без побуждений, без движения, никуда не идущей, исходящей из пустоты в психике ребенка. Все это можно рассматривать как терапевтические коммуникации «в игре» (Ferro и Nicoli 2017), на которые нужно реагировать на соответствующем уровне аналитической работы, подобранной в соответствии с возрастом ребенка, его состоянием психики и стадией терапии (Alvarez 2012; Lenormand 2018).

Такая игра может быть очень далека от «идеала» милнеровской или винникоттовской творческой спонтанной радостной игры, описанной в предыдущем разделе, но она, тем не менее, служит цели интрапсихической и интерпсихической коммуникации (A. Green 1997, 2005; Lenormand 2014, 2018). Многие детские психоаналитики описывали различные состояния того, что Грин называл негативной игрой или антиигрой при работе с детьми в глубоко нарушенных состояниях психики: бессмысленная игра, диссоциированная, извращенная, мертвая и дезорганизованная игра (Alvarez 1988, 1989, 2010; Blake 2011; Ferro 2003; Kernberg 2000; Molinari 2017b; Tustin 1988). Эти формы игры можно понимать по-разному: как отчаянную попытку самоисцеления; как способ отомстить преследующему и давлеющему миру; или как защита от жестокости и травм. Но такая игра, тем не менее, почти всегда обеспечивает точку входа для терапевтических вмешательств и для глубокой аналитически ориентированной терапевтической работы в гармонии с языком игры ребенка и состоянием его психики.

Альварес (1989, 2010) подробно останавливается на экзистенциальной потребности детей с глубокими нарушениями в создании внутреннего ментального и психического пространства. Она предполагает, что у этих детей есть «потребность забыть», дистанцироваться от травм, которые обожгли их психику. Таким образом, Альварес предполагает, что спонтанная игра и вербальные «объяснительные» интерпретации часто воспринимаются как угроза хрупкой структуре защит этих детей. На мой взгляд, защита и психическое дистанцирование, предлагаемые четкой формой и структурой детских игр, а также присущая им замаскированная метафора, позволяют детям, пострадавших от насилия или травмированных другим образом, осуществить психическое дистанцирование, описанное и предписанное Альварес.

Опишу два случая из моей практики. Несколько лет назад два подростка проходили у меня длительную еженедельную психоаналитическую психотерапию. Оба они использовали настольные игры необычными способами, почти как инструменты садистских пыток и мощной интерпсихической коммуникации, передающими ужас внутреннего мира. С ними обоими я оказалась в интрапсихических областях того, что Перельберг (2016) называет «негативной галлюцинацией мысли», которая «оставляет дыры и пустоту в психике»; дыры, переполненные разрушающими преследующими фантазмами, имеющими возможность активно влиять на жизнь.

Клинический пример - Взломщик кодов как инструмент психической пытки

История семьи Пола была пронизана тайнами, насилием и брошенностью; он был милым мальчиком, мертвым внутри, неспособным участвовать в какой-либо настоящей игре. Он одержимо играл с игрушечными солдатиками и машинками в песочнице, неделю за неделей, месяц за месяцем, и рассказывал бесконечные истории о них, но у них не было сюжета, начала, середины или конца. Я пыталась вовлечь его в игру в песочнице, развивая эти истории, но наши игры были безжизненными. Я чувствовала, будто из меня высасывают жизнь, ясно понимая, что нахожусь в терапевтическом тупике.

Однажды Пол достал из шкафа игру «Взломщик кодов» (Mastermind) и потребовал, чтобы мы играли. (В России аналоги этой игры называются «Интеллектуал», «Быки и коровы» - прим. пер.). Это логическая игра для двух игроков, которая заключается в угадывании последовательности из четырех цветных фишек, загаданных другим игроком. У Пола были слабо развиты логическое и абстрактное мышление, необходимые для игры. Я очень сомневалась, что эта игра может привести нас куда-либо, но это была ошибка. По мере того, как Пол все больше втягивался в игру, он начал использовать ее таким образом, чтобы тиранить и терроризировать меня, доводя до беспомощности и безнадежности, передавая мне сильную тревогу и отчаяние своего эмоционального и физического повседневного существования, что было абсолютно невозможно сделать словесно или посредством своих игр в песочнице.

Пол настаивал на том, чтобы жестко сохранять полный всемогущий контроль над игрой, сам выбирая последовательность для угадывания ход за ходом, отказываясь позволить мне сделать ход. Более того, он невыносимо страдал, когда мне удавалось разгадать порядок его фишек. Когда я осмеливалась угадать одну из фишек правильно, он в ответ усиливал свою тираническую хватку и «заменил» одну или несколько фишек пустым отверстием. Фактически, он заменил что-то ничем. В какой-то момент я разгадала эту его уловку, показавшуюся мне конкретизацией – K, или извращенной формой негативной галлюцинации (A. Green 1997, 1999). Я выжидала, играя по его правилам, позволяя ему обманывать и побеждать раунд за раундом, неделю за неделей, пока извращение и тирания не стали невыносимыми. Я решила, что пришло время ввести тщательно выверенное «катастрофическое изменение» (Бион 2019; Бриттон 1992): Пол загадал свою последовательность фишек, а я ответила, как и прежде, постепенно собирая информацию о цвете его фишек. «Ага!» — сказал я, — «Есть только одна возможность — там вообще нет фишки. Пусто. Пустая фишка!».

Пол был в ярости и немедленно начал заполнять пустые отверстия любыми предметами, попавшимися под руку: маленькими фигурками животных, пластилином, даже грязными салфетками. Было ощущение, будто Пол высасывает из игры всю детскую игривую невинность и загрязняет ее непереваривaемыми опасными для жизни ядами. На ум пришла концепция токсичного питания Эйгена (1999). Я оказалась погруженной в травмированный преследующий внутренний мир Пола, страдая вместе с ним. Мир, который он разыгрывал и

рассказывал через персонажей загаданных последовательностей: цветных фишек, пустых отверстий и маленьких игрушечных овец, которые все «волшебным образом» превратились в инструменты преследующей дезориентации и «газлайтинга» в якобы невинной игре. Игре, о которой я никогда раньше не думала как о возможном канале таких мощных внутренних мучительных чувств, но которую Пол интуитивно использовал, чтобы передать мне свои переживания, замешательства и дезориентацию, страха и безнадежности перед лицом постоянно меняющейся, непредсказуемой реальности, которой была его повседневная жизнь дома.

Джейн — судьбоносная партия в шахматы: Джейн была сильно травмированной 9-летней девочкой, по вине матери которой несколько лет назад произошла ужасная автокатастрофа, повлекшая за собой её гибель. Она занималась взрослыми делами и ненавидела играть со сверстниками, почти исключительно сосредоточившись на своих интеллектуальных способностях и гордясь своими академическими достижениями. Сначала я пробовала Playmobil и Lego, игру Winnicott's Squiggle и рисование красками и маркерами. Она увлекалась на пару минут, а затем теряла интерес и замирала. Она была готова играть только в настольные игры: «Монополия», «Полицейские и грабители» и «Угадай Кто».

Все эти игры, обладающие четкими правилами и целями, кажутся безобидными, но игры, в которые мы играли вместе, были пронизаны тиранией, ужасом и беспомощностью. В «Полицейских и грабителях» она загоняла меня на улицу с односторонним движением с барьерами на каждом конце и отказывалась их двигать, даже когда правила диктовали, что пришло время моего освобождения. В «Монополии» она строила дорогие отели, будучи должна мне тысячи долларов.

С Джейн было сложно решить, как справиться с проблемами мошенничества, победы и поражения. Ее нарциссическое, почти мстительное удовольствие от своих побед и тиранический контроль, который она устанавливала в играх, не казались ни здоровыми, ни конструктивными с точки зрения развития. С одной стороны, я боялась, что если я позволю ей разорить меня в игре в «Монополию», когда у нее на руках было 20 000 фунтов стерлингов, при том, что незадолго до этого она была должна мне такую же сумму, то это сделает ее связь с реальностью еще слабее и укрепит ее грандиозность и высокомерие в психотическом смысле этого слова согласно Биону (1958). С другой стороны, чувство собственного достоинства Джейн и целостность ее психики были настолько хрупкими, что я чувствовала, что было бы катастрофически разрушительно указывать ей на реальность ее ужасного финансового положения. Такое вмешательство, по моему мнению, послужило бы лишь тому, что она преждевременно и болезненно осознала бы свою трагически ограниченную способность контролировать окружающую среду.

У Джейн был интересный способ тайно менять правила, убеждать себя и меня, что ее правила не являются отходом от общепринятых правил, являясь «сами по себе правилами». Лишь постепенно я начала настаивать на некоторой защите, на возвращении к «здравому смыслу» (Бион, 1967) и правилам игры. Я вслух размышляла о домах и городах, построенных без фундамента, о смертельном страхе и тревоге перед лицом опасности их неминуемого катастрофи-

ческого разрушения. Ближе к окончанию игры я говорила о собственном замешательстве и безнадежности от понимания, что я никогда не смогу победить. Я постепенно устанавливала ограничения на сумму возможного долга, реже отказывалась от ее платежей и начала настаивать на взаимном снисхождении, когда не мог ей заплатить. В «Полицейских и грабителях», после описания беспомощности и отчаяния, которые я чувствовал, чувствуя себя как мышь в лабиринте без выхода, я применил правило, которое снимает препятствия после трех ходов. И я начал играть во все наши игры с большим мастерством и решимостью победить. По мере продвижения терапии я мог видеть, что Джейн могла видеть во мне больше настоящего живого противника с настоящим живым присутствием в игре, который был вне досягаемости ее «всемогущих интеллектуальных сил», с моими собственными сильными и слабыми сторонами, умственными стратегиями, способностью побеждать и устойчивостью, чтобы пережить поражение.

Время от времени Джейн просила меня сыграть в шахматы, игру, которую я обычно стараюсь избегать, потому что в ней элемент случайности сильно смещен в сторону когнитивного, интеллектуального, расчетливого и объективного, а возможности терапевта ввести новые элементы и живость более ограничены. Примерно через два года терапии я наконец смягчилась и согласилась на ее просьбу сыграть со мной «марафонский турнир», так она его называла. Шесть недель подряд я многократно проигрывала, партию за партией, доставляя Джейн садистское удовлетворение. А потом я сломалась. На седьмой неделе я потеряла свою терапевтическую нейтральность; инстинктивное желание победить, отомстить одолело меня. Незапланированным ходом, который появился из ниоткуда, словно прямо из моего подсознания, я обнаружила, что одним махом захватываю ее ферзя и заманиваю короля в матовую позицию. Мы обе были в шоке; ее глаза наполнились слезами, а мне было трудно принять свою ужасный, почти убийственный эмпатический провал. В то же время, я поняла, что это была сцена, которую нам нужно было пережить. Сцена, воспроизведение, которой я избегала сеанс за сеансом с само начала терапии. Именно игра в шахматы, благодаря своим строгим правилам и интеллектуальному вызову, древнейшая из настольных игр, наконец, позволила создать терапевтическое пространство, в котором психическая катастрофа Джейн, связанная с трагической смертью/самоубийством ее матери, и ее собственное ужасное чувство вины за то, что она не спасла свою мать (ферзя), могли быть пережиты и были пережиты нами обеими.

Контрперенос, проективная идентификация и игра как контейнерование

Когда пациент-подросток выбирает для игры такие игры, как UNO, пинг-понг, шахматы, Frustration или Code Breaker, терапевт оказывается в честной и прямой позиции активного участия (Caruth 1988). Ребенок бьет по нам мячом или бросает кости, и мы мгновенно включаемся в интенсивный интерпсихический режим психотерапевтического взаимодействия с ребенком. Пешка должна быть взята или

отдана, карта должна быть сыграна, арендная плата уплачена или гол спасен. Эти действия являются какими угодно, но не нейтральными, терапевт не может оставаться пустым экраном, а скорее она должна думать и действовать на ходу, соотнеся каждый свой ход на доске в соответствии с эмоциональными потребностями ребенка и его функционированием в данный момент. В соответствии с такими авторами, как Микс (1970, 2000), Беллинсон (2002, 2013), Герман (2000) и Орен (2008), я считаю, что использование игр в терапии подростков может быть полезным и мощным инструментом, позволяющем ребенку войти в эмоциональную турбулентность внутреннего мира и справиться с ней. Ребенок входит в терапевтическую комнату, выбирает игру и бросает нам вызов, чтобы мы вошли вместе с ним в схватку его внутренней психики, разыгрываемую между стойками ворот или на поле «Монополии». Выбор игры ребенком, способ игры и, более того, способ, которым он жульничает, его отношение к терапевту: как к доброму конкуренту или как к экзистенциальной угрозе, — все это отражения и проекции самых глубоких тревог и фантазий ребенка. Аналогично, обязательно быстрая, но, тем не менее, тщательно выверенная реакция терапевта в игре — будь то взятие или невзятие уязвимой пешки в шахматной партии или переговоры о неправомерности штрафа в футбольной игре — все это сложные формы терапевтического общения в матрице переноса-контрпереноса, как проиллюстрировано в последующих клинических примерах.

Проблемы переноса-контрпереноса становятся еще более сложными, когда игра идет с детьми в более хрупких состояниях психики. Детьми, перенесшими травму, лишения и насилие, у которых было мало свободы действий и контроля над своей жизнью в реальном мире, и которые страдали от повторяющихся и болезненных прерываний своего «продолжающегося бытия» (Winnicott 1965). Под воздействием этих интрапсихических сил игра, как и ролевая игра для ребенка младшего возраста, становится проекцией здесь и сейчас водоворота субъективного преследующего внутреннего мира ребенка, искаженного травмой, беспомощностью, заброшенностью и посягательством. Когда эти дети играют в соревновательные игры с правилами, такие как футбол, UNO или «Монополия», они склонны воспринимать игру как отчаянную борьбу за выживание, а не как дружеское соревнование (Oren 2008), и малейший намек на опасность проиграть игру может вызвать хаос в психике ребенка. Яростное отчаяние ребенка победить, а иногда и мстительный гнев, и ярость, если он проигрывает, окрашивают каждое его движение на футбольном поле. Архаичная жадность и зависть побуждают ребенка отнимать у терапевта все его деньги и имущество в каждой партии в «Монополию». Как показано в приведенных выше клинических примерах, даже когнитивно сложные игры, такие как Mastermind/Code Breaker или шахматы, могут стать инструментами психической пытки под воздействием извращенных сил поврежденной психики ребенка. Чем более хрупка психика ребенка, тем массивнее его проекции, тем более преследующей будет его игра. Такие дети не осмеливаются выпустить из рук ни капли всемогущего контроля, они изо всех сил цепляются за внутрипсихический фантазийный контроль над играми, в которые играют, за правилами, за терапевтом, и снова и снова прибегают к явному, манипулятивному и

злонамеренному обману. Ничто не оставлено на волю случая: абсолютная власть, всезнание и непревзойденное превосходство гарантированы.

В этой жестокой битве за доминирование и победу, переживаемой такими детьми как эквивалент психического выживания Орен (2008), терапевт естественным образом становится прямым объектом переноса завистливой жадности ребенка и жертвой тиранических инфантильных побуждений ребенка. Месяцами подряд они могут не позволять нам бросать кости или накапливать какие-либо деньги в Монополии, ни забивать ни одного гола в футболе и соглашаться расставаться только со своими картами самого низкого номинала в карточной игре. Ребенок неоднократно и откровенно обманывает, нарушает правила, а собственная инфантильная беспомощность, ярость и неразрешенное детское сиблинговое соперничество терапевта неизбежно пробуждаются в контрпереносе. Параноидно-шизоидные фантазии процветают, и проективные идентификации изобилуют. Такие ситуации могут быть почти столь же тревожным и угрожающим опытом для терапевта, как и для ребенка, и распознавание и проработка этих мощных негативных контрпереносных чувств имеет первостепенное значение для терапевтической работы.

Для того чтобы полнее понять психодинамические процессы, происходящие в такой игре, я нахожу особенно уместными идеи Биона (1962) о проективной идентификации, мечтательности и контейнировании. Для Биона (1962, 1967) основная роль объекта/терапевта в этом контексте заключается не в интерпретировании, а в том, чтобы действовать как контейнер, перевариваривая и придавая форму и значение невыносимому и немыслимому: то есть, преобразовывать то, что Бион называет «β (бета) - элементами», в усвояемые «α (альфа) элементы», доступные для безопасной и нетоксичной коммуникации с пациентом. Применяя эту модель контейнера ↔ контейнируемого к игре в детской терапевтической комнате, можно рассматривать игру как канал для проективных идентификаций ребенка, для контейнируемого чаще всего через язык обмана во многих его формах. Работая с детьми в пограничных и психотических состояниях, когда пытаешься сдержать мощную и часто разрушительную силу сырых проективных идентификаций ребенка, я нахожу эту модель бесценной. Один случай из игровой комнаты для психотерапии стоит тысячи теоретических слов.

Клинический пример: Майкл - Когда гол не является голом?

Я играю в футбол с Майклом, агрессивным мальчиком 11 лет с серьезными проблемами поведения дома и в школе, сыном тиранического отца и хронически подавленной и эмоционально отсутствующей матери. Он поставил мои ворота в одном конце комнаты, а свои - в другом, но мои ворота имеют ширину 1,2 метра, а его - только чуть больше половины метра. Мы начинаем играть и я быстро забиваю гол, на что Майкл тут же кричит: «вне игры!» Нас всего двое, как я могу не быть вне игры большую часть времени? Он бьет мимо, но объявляет, что забил и бурно празднует свой гол. И прежде чем я успеваю снова собраться, он забивает еще дважды. Я даже не успеваю понять, что мяч снова в игре. Я глубоко

вдыхаю и играю осторожно, понимая, что Майкл должен выиграть с большой разницей в счете. Я позволяю ему забить еще несколько голов, а затем снова пытаюсь забить. На этот раз он объявляет пенальти в тот момент, когда я выхожу на прямой удар по воротам. Это продолжается до конца сессии: всякий раз, когда я получаю мяч, меня прерывает самосуд Майкла, самопровозгласившего себя всемогущим судьёй, все знающем об офсайде, пенальти или угловом. Ситуация была бы более-менее терпимой, если бы Майкл не добавлял к проигрышу оскорбления и не сопровождал мои усилия непрерывным потоком уничижительных комментариев и ликующего презрения.

Мы доходим до счета 15–0, и я предлагаю закончить игру. Я понимаю, что просто хочу, чтобы игра закончилась, но он настаивает на продолжении до 25. Мое сердце замирает. Я знаю, что меня ждет еще больше разочарования и унижения, и мне не позволят забить ни одного гола. Я должна сохранять спокойствие: я взрослая, а Майклу всего 11 лет. Но годы разочарования из моего собственного детства, проведенного с двумя старшими братьями, гораздо сильнее и спортивнее меня, да к тому же помешанных на футболе, питают мой гнев и безнадежность: проективная идентификация как перчатка подходит моей вратарской руке. Я чувствую, что мне грозит ответный удар, либо путем усиления игры за пределы футбольных возможностей моего пациента, либо посредством некоторой (завуалированной, но потенциально опасной) интерпретации его чувств неадекватности и его ярости. Это тот самый ребенок, который безжалостно держал меня в тюрьме в «Монополии», собирая с меня аредную плату за все свои объекты недвижимости раунд за раундом и не отдавая мне ничего. (Согласно правилам Майкла, мне нужно было получить три дубля подряд, чтобы выйти из тюрьмы, и, если он приземлился на одном из моих объектов недвижимости, пока я была в тюрьме, я должна был заплатить ему — он, конечно, позаботился о том, чтобы его никогда не отправили в тюрьму.)

Что делать, что говорить, как действовать в такой ситуации? Альварес напоминает нам (Alvarez, 1997, 2012), что «пограничный пациент в своем психотическом состоянии» может нуждаться в том, чтобы мы очень долго сдерживали проективную идентификацию и исследовали ее только в нашей собственной психике. Во многих случаях терапевтически наиболее благоразумно не «слишком преждевременно навязывать [проекцию] пациенту». Ферро (Ferro, 2006) пишет в том же духе: «такие вмешательства… могут спровоцировать нетерпимость в принятии пациентом вклада аналитика». Возможно, тогда первым практическим правилом должно быть не действовать и не произносить ни слова, пока слова и игровая ситуация, сформулированные в нашем сознании, не будут ощущаться как своевременные и соответствующие психическому состоянию ребенка.

Альварес (Alvarez, 1989) считает, что жизненно важно, уважать развивающую потребность детей в расщеплении, чтобы мы сначала удерживали и детоксифицировали в нашем собственном психическом пространстве массивные, часто отравленные проекции ребенка, продукт его раннего опыта сдерживания всего недостаточно хорошего, порой злокачественного (Britton 1989, 2004). Только после этого мы можем формировать наши интерпретативные (в самом широком смысле этого слова) вмешательства. Исходя из этих рассуждений становится

ясно, что в клиническом примере, описанном выше, Майклу нужно было, чтобы я поняла, что унижение и беспомощность, которые я чувствовала, на самом деле были его отщепленными чувствами. Это я, взрослая женщина, воспринималась им как угрожающий и потенциально унижающий, а он чувствовал себя уязвимым ребенком. Ему нужно было, чтобы я сдалась (но не мазохистски подчинилась (Гент, 1990)) его потребности спрятать эти невыносимые чувства во мне, пока они не будут усвоены, гол за голом, штраф за штрафом. Он, как и другие дети, которые компульсивно играют таким образом (по моему опыту, они составляют большинство детей приходящих на психотерапию), использует игру, чтобы сообщить, что невыносимо, неудобоваримо, экзистенциально угрожающе и болезненно. Терапевт нужен, чтобы сдерживать, переваривать, усваивать и затем преобразовывать эти интенсивные висцеральные бета-элементы тревоги, ярости, неадекватности и отчаяния в короткие слова и игровые действия, которые можно переносить и медленно усваивать, в темпе и способом, тщательно подобранном под индивидуальные потребности и состояние психики ребенка.

Изменение шансов и становление субъектом: Сначала я сдалась на сеансах с Майклом, чтобы стать «вечно проигравшей» в игре, гол за голом, неделя за неделей, а затем я начала, медленно и в дозах, говорить в общих чертах о том, как это расстраивает, и даже бесит, когда ты проигрываешь. Впоследствии я рискнула рассказать о своих собственных чувствах неадекватности и ярости в случае сильного проигрыша. В конце концов, я настояла на более справедливой расстановке ворот и менее драконовских правилах и штрафах. Только к концу терапии, и даже тогда очень редко, мы разговаривали о жизни Майкла вне терапии. Тем не менее, трансформация в игре произошла, как изменилось и качество наших сессий и восприятие Майклом самого себя Его взаимодействия со сверстниками и учителями в школе стали доброкачественными, живыми, даже «радостными», если использовать терминологию Альварес (Alvarez, 2012). Или, говоря словами Винникотта (1969) или Бенджамина (1990, 2007), Майкл и я пережили его тиранию, его потребность во всемогущем контроле над каждым моим шагом и потребность лишить меня всякой субъективности и свободы действий. Он открыл свою собственную субъективность и свободу действий и признал меня отдельным и другим, благотворным субъектом в своем недавно открытом интерсубъективном мире.

Эти аспекты контейнирования, детоксикации и фантазирования в игре можно ясно увидеть также в клинической иллюстрации в разделе под названием «В болезни и здравии» о терапии Джейн. С Джейн я кратко описала тираническое господство и безымянный страх, которые пронизывали наши игры в «Монополию» и «Полицейских и грабителей». Ее единственный способ сообщить о своей бессознательной тоске и ярости был выражен в мстительном контроле над игрой и надо мной. До и во время наших сеансов я часто чувствовала подавляющее чувство отчаяния в сочетании с невыразимой неопределенной тревогой. Внутренний контейнер Джейн был настолько ограничен и даже искажен, что интерпретировать эти чувства напрямую, я считаю, было бы невыносимо для нее. Неделю за неделей я боролась со своим страхом перед сеансами, который был по сути внутренним, но отвергнутым и отщепленным внутренним страхом Джейн. Я зарегистрировала эти интенсивные чув-

ства как проективные идентификации, разрядила их, насколько могла, и интерпретировала себе возможные связи между этими эмоциями и личной историей Джейн.

Интерпретативные вмешательства и трансформация происходили через отсутствие моего возмездия, через переговоры о долгах в «Монополии», через мое настойчивое желание, чтобы Джейн в конце концов освободила меня от жестоко перекрытых дорог в «Полицейских и грабителях», через постепенное выравнивание стоимости наших отелей и домов в «Монополии», чтобы я могла дышать и двигаться. Также я время от времени сообщала о беспомощности моей застрявшей полицейской машины в «Полицейских и грабителях» или моей экзистенциальной тревоге перед лицом постоянно растущего долга и шаткого положения в «Монополии».

Не отвечать, не настаивать на том, чтобы Джейн играла по правилам, не действовать в соответствии с моими чувствами несправедливости, унижения, глубокой тревоги и возмущения оказалось сложным, гораздо более сложным, чем формулирование словесного отражения или интерпретации ситуации на сеансе.

Только оглядываясь назад, я понимаю, что в течение первых двух лет, я избегала играть с ней в шахматы, потому что для нее шахматы были не просто метафорой, а «самой вещью». На каком-то интуитивном уровне она видела эту игру как всемогущую защиту и защиту своей матери-ферзя (Королевы) в реальности. Интуитивно игра в шахматы казалась слишком опасной в контексте терапии. Нам пришлось выжидать, пока подавляющее «насилие эмоций» (Бион, 1962; Чивитарезе, 2012; Огден, 2004а), затопившее наши сеансы, не было смягчено бесконечными раундами проективной идентификации, алфавитизации и трансформации в наших мучительных играх в «Монополию» и «Полицейские и грабители».

Когда мы в конце концов рискнули выйти на эмоциональное минное поле, которым была шахматная доска, прерванный (Огден, 2004) кошмар Джейн снова пробудился и, наконец, смог быть увиденным нами обеими, как бы ужасно для нас это ни было. Взяв ее ферзя и одновременно напав на мат, я бессознательно воспроизвела роковую жестокую автомобильную аварию её матери. Беспомощность, безнадежность и внутренний шок Джейн стал и моим совместным пережитым опытом. Я хочу подчеркнуть, что это был не волшебный терапевтический момент, завершившийся счастливым концом. Шок от пленения ферзя был чудовищен, он вселил в нас обеих ужас и тревогу. Потребовались недели нежной тактичной проработки, в том числе с отцом Джейн, чтобы провести процесс трансформации от чудовищной тревоги к страху, который мог принять имя, форму и вид. С самой Джейн работа почти всегда велась только на неявном уровне: в большинстве случаев объяснение и интерпретация на явном уровне не казались ни полезными, ни необходимыми (как это часто бывает с травмированными детьми в пограничных состояниях ума (Alvarez 1989, 2010, 2012)).

Заключение

Современные авторы, работающие в различных областях исследования и практики развития детей, описывают ранний подростковый период как

качественно отличающийся от раннего детства и дошкольного возраста, с одной стороны, и среднего подросткового возраста, с другой (Найт, 2014; Марудас, Уайзман и Харел, 2023; Шапиро и Перри, 1976; Уодделл, 1998). Резко растущие показатели проблем психического здоровья у школьников по всему миру, особенно после пандемии Covid-19 (Samji et al. 2022), в сочетании с тревожными цифрами неоконченных случаев детской психотерапии, приведенными выше, служат суровым напоминанием о срочной необходимости адаптации детской психотерапевтической техники для удовлетворения конкретных психологических и развивающих потребностей этой возрастной группы (Alvarez 1989; 2015; Fonagy et al., 2015; Maroudas, Wiseman и Harel 2023; Midgley и Kennedy 2011). Дети в раннем подростковом возрасте обычно переросли общение посредством традиционных инструментов детской психоаналитической психотерапии, таких как «ролевые» игры, рисование и живопись, но им еще предстоит развивать навыки вербального общения взрослых. За пределами терапевтического кабинета, на школьных игровых площадках, на задних дворах и дома школьники, несомненно, предпочитают то, что я называла в данной статье структурированной игрой: игры с четкой структурой и границами, такие как Cheat, Monopoly, Frustration, футбол и пинг-понг (не говоря уже о консольных играх, таких как Fortnite или Minecraft, использование которых в терапии в данной статье не исследовалось). Квадраты, игральные кости, карты и мячи, правила и границы, победы и поражения этих традиционных структурированных игр являются естественным языком детей этого возраста.

В своей статье я стремилась исследовать богатство, разнообразие и терапевтическую силу игры, которую, как я считаю, следует признать психоаналитическим языком, наряду с языком ролевой игры и творческих искусств. Сами названия этих игр выдают сознательные и бессознательные страсти и разрушительные побуждения, возникающие у игроков любого возрастов. Здесь я описала, как ребенок входит в терапевтическую комнату, выбирает игру и бросает вызов терапевту, чтобы он вступил с ним в схватку его внутренней психики и его межличностного мира, разыгрываемую между стойками ворот или на просторах «Монополия». Выбор игры, способ игры, и, более того, способ подтасовки фактов, его субъективное восприятие терапевта (добрый конкурент или экзистенциальная угроза), — все это отражения и проекции самых глубоких тревог и фантазий ребенка.

На мой взгляд, именно присущая этим играм интерактивная природа выводит на передний план матрицу интерсубъективного переноса-контрпереноса пациент- терапевт и функционирует как важный и мощный инструмент для погружения во внутренний мир ребенка, создания в нем эмоциональной турбулентности и работы с ней. Они садистски убивают нас снова и снова, пока мы стоим слабыми и беспомощными на доске Талисмана; они забивают нам бесчисленные голы, в то время как они высокомерно отвергают каждый наш гол как офсайд; на доске Монополии они являются богатым, безжалостным олигархом, а мы — нищими голодранцами. Квадрат за квадратом, дюйм за дюймом, ход за ходом постепенно происходит трансформация через метафору или под прикрытием якобы невинной детской игры. Решающее значение для этого процесса имеет гибкий и тщательно выверенное отношение к правилам и положениям игры и способность терапевта

переваривать, усваивать, выживать и сдерживать (в винникоттовском и бионовском смыслах этих слов) «насилие эмоций» (Огден 2020), которое ребенок привносит в игру.

Литература

1. Alvarez, A. 1988. “Beyond the Unpleasure Principle: Some Preconditions for Thinking through Play.” Journal of Child Psychotherapy 14 (2): 1–13. https://doi.org/10.1080/00754178808254823.
2. Alvarez, A. 1989. “Development Toward the Latency Period: Splitting and the Need to Forget in Borderline Children.” Journal of Child Psychotherapy 15 (2): 71–83. https://doi.org/10.1080/00754178908254850.
3. Alvarez, A. 1997. “Projective Identification as a Communication its Grammar in Borderline Psychotic Children.” Psychoanalytic Dialogues 7 (6): 753–768. https://doi.org/10.1080/10481889709539218.
4. Alvarez, A. 2010. “Levels of Analytic Work and Levels of Pathology: The Work of Calibration.” The International Journal of Psychoanalysis 91: 859–878. https://doi.org/10.1111/j.1745-8315.2010.00284.x.
5. Alvarez, A. 2012. The Thinking Heart: Three Levels of Psychoanalytic Therapy with Disturbed Children. London and New York: Routledge.
6. Bellinson, J. 2002. Children’s use of Board Games in Psychotherapy. Northvale, NJ: Jason Aronson.
7. Bellinson, J. 2013. “Games Children Play: Board Games in Psychodynamic Psychotherapy.” Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America 22 (2): 283–293. https://doi.org/10.1016/j.chc.2012.
8. Benjamin, J. 1990. “An Outline of Intersubjectivity: The Development of Recognition.” Psychoanalytic Psychology 7 (Suppl): 33–46. https://doi.org/10.1037/h0085258.
9. Benjamin, J. 2007. “Intersubjectivity, Thirdness, and Mutual Recognition.” In A Talk Given at the Institute for Contemporary Psychoanalysis. Los Angeles, CA. https://terapia.co.uk/wp-content/uploads/2020/05/Reading-14-Jessica-Benjamin-Intersubjectivity.pdf.
10. Bion, W. R. 1958. “On Arrogance.” International Journal of Psycho-Analysis 39: 144–146.
11. Bion, W. R. 1962. Learning from Experience. London: Tavistock.
12. Bion, W. R. 1967. Second Thoughts: Selected Papers on Psychonalysis. London: Heinemann.
13. Bion, W. R. 1976. “Emotional Turbulence.” In Clinical Seminars and Other Works. 1987, edited by Francesca Bion, 295–305. London: Karnac.
14. Bion, W. R. 2019. Four Discussions with WR Bion. London: Harris Meltzer Trust Karnac Books.
15. Blake, P. 2011. Child and Adolescent Psychotherapy. London: Karnac Books.
16. Brady, M., R. Tyminski, and K. Carey. 2012. “To Know or not to Know: An Application of Bion’s K and– K to Child Treatment.” Journal of Child Psychotherapy 38 (3): 302–317. https://doi.org/10.1080/0075417X.2012.720103.

17. Britton, R. 1989. “The Missing Link: Parental Sexuality in the Oedipus Complex.” In The Oedipus Complex Today Clinical Implications, edited by John Steiner, 83–101. London: Karnac books.
18. Britton, R. 1992. “Keeping Things in Mind.” In Clinical Lectures on Klein and Bion, edited by R. Anderson, 102–113. London and New York: Tavistock/Routledge.
19. Britton, R. 2004. “Subjectivity, Objectivity, and Triangular Space.” The Psychoanalytic Quarterly 73 (1): 47–61. https://doi.org/10.1002/j.2167-4086.2004.tb00152.x.
20. Bromberg, P. M. 1998. Standing in the Spaces: Essays on Clinical Process, Trauma, and Dissociation. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
21. Caldwell, Lesley. 2000. Art, Creativity, Living. London: Routledge.
22. Caruth, E. G. 1988. “How you Play the Game: On Game as Play and Play as Game in the Psychoanalytic Process.” Psychoanalytic Psychology 5 (2): 179–192. https://doi.org/10.1037/ 0736-9735.5.2.179.
23. Civitarese, G. 2012. The Violence of Emotions: Bion and Post-Bionian Psychoanalysis. London: Routledge.
24. Cohen, Y. 1995. “Addressing the Psychic Reality of the Borderline Child.” International Journal of Psycho-Analysis 76: 35–38.
25. Coltart, N. 1993. Slouching Towards Bethlehem … : And Further Psychoanalytic Explorations. 2nd ed. London: Free Association Books.
26. Coltart, N. 1999. The Baby and the Bathwater. London: International Universities Press.
27. Deakin, E. K., M. Gastaud, and M. L. T. Nunes. 2012. “Child Psychotherapy Dropout: An Empirical Research Review.” Journal of Child Psychotherapy 38 (2): 199–209. https://doi.org/10.1080/ 0075417X.2012.684489.
28. Ferro, A. 2003. The Bi-Personal Field: Experiences in Child Analysis. Abingdon and New York: Routledge.
29. Ferro, A. 2006. “Clinical Implications of Bion’s Thought.” The International Journal of Psychoanalysis 87 (4): 989–1003. https://doi.org/10.1516/8TG7-F1WU-RLG7-QUV1.
30. Ferro, A., ed. 2018. Contemporary Bionian Theory and Technique in Psychoanalysis. 1st ed. Abingdon and New York: Routledge.
31. Ferro, A., and L. Nicoli. 2017. The New Analyst’s Guide to the Galaxy: Questions About Contemporary Psychoanalysis. London: Karnac Books.
32. Fonagy, P., D. Cottrell, J. Phillips, D. Bevington, and D. Glaser. 2015. What Works for Whom?, Second Edition: A Critical Review of Treatments for Children and Adolescents. New York: Guilford Publications.
33. Freud, S. 1905. “On Psychotherapy (1905 [1904]).” In The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud Volume VII (1901-1905): A Case of Hysteria, Three Essays on Sexuality and Other Works edited by J. Strachey, Vol. 7, 255–268. London: Hogarth.

34. Freud, S. 1913. “On Beginning the Treatment.” In The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud Volume XII (1911-1913): The Case of Schreber, Papers on Technique and Other Works, edited by J. Strachey, 121–144. London: Hogarth.
35. Freud, A. 1946. The Psychoanalytical Treatment of Children. Oxford: Imago.
36. Freud, A. 1963. “The Concept of Developmental Lines.” Psychoanalytic Study of the Child 18: 245–265. https://doi.org/10.1080/00797308.1963.11822930.
37. Gavshon, A. 1989. “Playing: Its Role in Child Analysis.” Journal of Child Psychotherapy 15 (1): 47–62. https://doi.org/10.1080/00754178808254833.
38. Ghent, E. 1990. “Masochism, Submission, Surrender: Masochism as a Perversion of Surrender.” Contemporary Psychoanalysis 26 (1): 108–136. https://doi.org/10.1080/00107530.1990.10746643.
39. Green, A. 1997. “The Intuition of the Negative in Playing and Reality.” International Journal of Psycho- Analysis 78: 1071–1084.
40. Green, A. 1999. The Work of the Negative. London: Free Assn Books.
41. Green, A. 2005. Play and Reflection in Donald Winnicott’s Writings. London: Karnac Books.
42. Green, H., A. McGinnity, H. Meltzer, T. Ford, and R. Goodman. 2005. Mental Health of Children and Young People in Great Britain, 2004: (557702010-001). Basingstoke: Palgrave Macmillan. https:// doi.org/10.1037/e557702010-001.
43. Grotstein, J. S. 2010. “Rediscovering Psychoanalysis: Thinking and Dreaming, Learning and Forgetting. By Thomas H. Ogden. New York/London: Routledge.” Psychoanalytic Quarterly 79(1): 277–288.
44. Herman, J. L. 2000. “Treating the Cheater: An ego and Self Psychological Approach to Working Through of the Cheating Syndrome in the Treatment of Latency Children.” Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy 1 (2): 59–70. https://doi.org/10.1080/15289168.2000. 10486345.
45. Keats, J. 1925. Letters of John Keats to His Family and Friends. S. Colvin (Ed). London: Macmillan.
46. Kernberg, P. F. 2000. “The Forms of Play.” In Psychoanalysis in Childhood and Adolescence, edited by K. von Klitzing, K. Tyson, and D. Bürgin, 25–41. Karger Medical and Scientific Publishers.
47. Klein, M. 1927a. “Symposium on Child Analysis.” The International Journal of Psycho-Analysis 8: 339– 370.
48. Klein, M. 1927b. “The Psychological Principles of Infant Analysis.” The International Journal of Psycho- Analysis 8: 25.
49. Klein, M. 1955. “The Psychoanalytic Play Technique.” American Journal of Orthopsychiatry 25 (2): 223– 237. https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.1955.tb00131.x.
50. Klein, M. 1975. Envy and Gratitude and Other Works 1946–1963. London: Hogarth Press.
51. Knight, R. 2014. “A Hundred Years of Latency: From Freudian Psychosexual Theory to Dynamic Systems Nonlinear Development in Middle Childhood.” Journal of American Psychoanalytic Association 62: 203–235. https://doi.org/10.1177/0003065114531044.

52. Krimendahl, E. 2000. “Did you see That?”: A Relational Perspective on Children who Cheat in Analysis.” Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy 1 (2): 43–58. https://doi.org/10.1080/15289168.2000.10486344.
53. Lenormand, M. 2018. “Winnicott’s Theory of Playing: A Reconsideration.” The International Journal of Psychoanalysis 99 (1): 82–102. https://doi.org/10.1080/00207578.2017.1399068.
54. Lenormand, M., and Christian Bonnet 2014. “Play as “Decoy” and Disavowal.” L’Évolution Psychiatrique 79 (3): 489–501.
55. Maroudas, C., H. Wiseman, and J. Harel. 2023. “The ‘Wave-Particle’ Child: Reconnecting the
56. Disconnect in the Concept of Latency.” Journal of Child Psychotherapy 49 (3): 412–431. https://doi.org/10.1080/0075417X.2023.2216320.
57. Meeks, J. E. 1970. “Children who Cheat at Games.” Journal of the American Academy of Child Psychiatry 9 (1): 157–170. https://doi.org/10.1097/00004583-197001000-00010.
58. Meeks, J. E. 2000. “Reflections on Children who Cheat at Games: A Commentary.” Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy 1 (2): 71–75. https://doi.org/10.1080/15289168.2000.10486346.
59. Midgley, N., and E. Kennedy. 2011. “Psychodynamic Psychotherapy for Children and Adolescents: A Critical Review of the Evidence Base.” Journal of Child Psychotherapy 37 (3): 232–260. https://doi. org/10.1080/0075417X.2011.614738.
60. Milner, M. 1942. “The Child’s Capacity for Doubt.” In The Suppressed Madness of Sane men: Forty-Four Years of Exploring Psychoanalysis, [1987], edited by Marion Milner, 9–11. Hove: Brunner-Routledge.
61. Milner, M. 1952a. “Aspects of Symbolism in Comprehension of the Notself.” International Journal of Psycho-Analysis 33: 181–194.
62. Milner, M. 1952b. “The Framed Gap.” In The Suppressed Madness of Sane men: Forty-Four Years of Exploring Psychoanalysis, [1987], edited by Marion Milner, 79–82. Hove: Brunner-Routledge.
63. Milner, M. 1957a. On Not Being Able To Paint. London: Heinemann.
64. Milner, M. 1957b. “The Ordering of Chaos.” In The Suppressed Madness of Sane men: Forty-Four Years of Exploring Psychoanalysis [1987], edited by Marion Milner, 216–233. Routledge/Taylor & Francis Group.
65. Milner, M. 1987. The Suppressed Madness of Sane Men: Forty-Four Years of Exploring Psychoanalysis. Hove: Brunner-Routeledge.
66. Molinari, E. 2017a. Field Theory in Child and Adolescent Psychoanalysis: Understanding and Reacting to Unexpected Developments. London/New York: Routledge.
67. Molinari, E. 2017b. “Variations on a Theme: Child and Adolescent Analysis.” In Contemporary Bionian Theory and Technique in Psychoanalysis, edited by Antonino Ferro, 176–216. London/New York: Routledge.
68. Molinari, E. 2018. “The art of Fielding.” Romanian Journal of Psychoanalysis 11: 87–96. https://doi.org/ 10.2478/rjp-2018-0020.

69. Ogden, T. H. 2004a. “On Holding and Containing, Being and Dreaming.” The International Journal of Psychoanalysis 85 (6): 1349–1364. https://doi.org/10.1516/T41H-DGUX-9JY4-GQC7.
70. Ogden, T. H. 2004b. “This art of Psychoanalysis: Dreaming Undreamt Dreams and Interrupted Cries.” The International Journal of Psychoanalysis 85 (4): 857–877. https://doi.org/10.1516/D6R2-9NGF- YFJ2-5QK3.
71. Ogden, T. H. 2008. Rediscovering Psychoanalysis: Thinking and Dreaming, Learning and Forgetting. London/New York: Routeldge.
72. Ogden, T. H. 2019. “Ontological Psychoanalysis or “What do you Want to be When you Grow up?”.” Psychoanalytic Quarterly 88: 661–684. https://doi.org/10.1080/00332828.2019.1656928.
73. Ogden, T. H. 2020. “Toward a Revised Form of Analytic Thinking and Practice: The Evolution of Analytic Theory of Mind.” Psychoanalytic Quarterly 89: 219–243. https://doi.org/10.1080/00332828.2020.1715719.
74. Oren, A. 2008. “The use of Board Games in Child Psychotherapy.” Journal of Child Psychotherapy 34 (3): 364–383. https://doi.org/10.1080/00754170802472893.
75. Perelberg, R J. 2016. “Negative hallucinations, dreams and hallucinations: The framing structure and its representation in the analytic setting.” The International Journal of Psychoanalysis 97 (6): 1575–1590.
76. Plaut, E. A. 1979. “Definition of Play.” Psychoanalytic Study of the Child 34: 217–232. https://doi.org/ 10.1080/00797308.1979.11823006.
77. Raab, K. A. 2000. “Creativity and Transcendence in the Work of Marion Milner.” American Imago 57 (2): 185–214. https://doi.org/10.1353/aim.2000.0012.
78. Samji, H., J. Wu, A. Ladak, C. Vossen, E. Stewart, N. Dove, D. Long, and G. Snell. 2022. “Review: Mental Health Impacts of the COVID-19 Pandemic on Children and Youth – a Systematic Review.” Child and Adolescent Mental Health 27 (2): 173–189. https://doi.org/10.1111/camh.12501.
79. Scott, M. E. 1998. “Play and Therapeutic Action: Multiple Perspectives.” The Psychoanalytic Study of the Child 53 (1): 94–101. https://doi.org/10.1080/00797308.1998.11822477.
80. Shapiro, T., and R. Perry. 1976. “Latency Revisited.” The Psychoanalytic Study of the Child 31 (1): 79– 105. https://doi.org/10.1080/00797308.1976.11822310.
81. Slade, A. 1994. “Making Meaning and Making Believe: Their Role in the Clinical Process.” In Children at Play: Clinical and Developmental Approaches to Meaning and Representation, edited by Arietta Slade and Dennie Palmer Wolf, 81–107. New York: Oxford University Press.
82. Smith, J., R. G. Kyle, B. Daniel, and G. Hubbard. 2018. “Patterns of Referral and Waiting Times for Specialist Child and Adolescent Mental Health Services.” Child and Adolescent Mental Health 23 (1): 41–49. https://doi.org/10.1111/camh.12207.
83. Solnit, A. J. 1987. “A Psychoanalytic View of Play.” Psychoanalytic Study of the Child 42: 205–219. https://doi.org/10.1080/00797308.1987.11823489.
84. Solnit, A. J. 1993. The Many Meanings of Play: A Psychoanalytic Perspective. ERIC.

85. Solnit, A. J. 1997. “Beyond Play and Playfulness.” The Psychoanalytic Study of the Child 53: 102–110. https://doi.org/10.1080/00797308.1998.11822478.
86. Solnit, A. J., D. J. Cohen, and P. B. Neubauer Eds. 1993. The Many Meanings of Play: A Psychoanalytic Perspective. New Haven: Yale University Press.
87. Spelman, M. B., and J. Raphael-Leff. 2022. The Marion Milner Tradition: Lines of Development: Evolution of Theory and Practice Over the Decades. London: Routledge.
88. Stefana, A. 2019. “Revisiting Marion Milner’s Work on Creativity and art.” The International Journal of Psychoanalysis 100 (1): 128–147. https://doi.org/10.1080/00207578.2018.1533376.
89. Tustin, F. 1988. “Psychotherapy with Children Who Cannot Play.” International Review of Psycho-Analysis 15 (1): 93–106.
90. von Hug-Hellmuth, H. 1921. “On the Technique of Child-Analysis.” The International Journal of Psycho-Analysis 2: 287.
91. Waddell, M. 1998. Inside Lives: Psychoanalysis and the Growth of the Personality. London: Taylor & Francis.
92. Winnicott, D. W. 1965. The Maturational Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development. London: Karnac.
93. Winnicott, D. W. 1969. “The use of an Object.” The International Journal of Psycho-Analysis 50: 711– 716.
94. Winnicott, D. W. 1971. Playing and Reality. London: Penguin Books.
95. Winnicott, D. W. 1989. “Notes on Play.” In Psychoanalytic Explorations, edited by C. Winnicott, R.
96. Shepherd, and M. Davis, 59–63. London: Karnac Books

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Марудас С. Но это против правил!! Структурированные соревновательные игры как упущенный ресурс детской психодинамической психотерапии. 2025. Т. 2. № 1. С. 30–55, DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-30-55

Celine Maroudas

But it’s against the rules!! Structured competitive games as a neglected resource in child psychodynamic psychotherapy

Celine Maroudas - Private Clinic and Department of Counseling and Human Development, University of Haifa, Haifa, Israel: ORCID: 0009-0008-2055-1068 Email: celinems@live.com

Abstract

In the field of child psychoanalytic psychotherapy, structured competitive games such as Monopoly, UNO or football have traditionally been regarded as less conducive to deep psychodynamically oriented work. By contrast, some contemporary authors have pointed out that in middle childhood it is often precisely in play with structured games – game-play – that spontaneity and strong emotions come to the fore. These authors suggest that game-play constitutes a potentially powerful therapeutic tool for access to, and communication with, the older child's inner world. In this paper, clinical theoretical arguments are presented alongside clinical examples in support of this view and a variety of forms of game-play encountered in the analytic playroom are discussed and analysed. The paper examines how the rules and partially predetermined content of these games act as a framing structure in which the analytic work can take place safely and spontaneously, and how the model of the container ↔ contained can be usefully applied to game-play in the child therapy room. Emphasis is placed throughout on the therapeutic role of a flexible and carefully calibrated approach to the game's rules and structure and the child's cheating.

Keywords: Child psychoanalytic psychotherapy; board games; latency.

For citing: Maroudas C But it's against the rules!! Structured competitive games as a neglected resource in child psychodynamic psychotherapy. // Hypnosis and psychoanalysis in clinical and experimental psychology. 2025; (1): 30–55 , DOI: 10.47475/3034-3291-2025-2-1-30-55